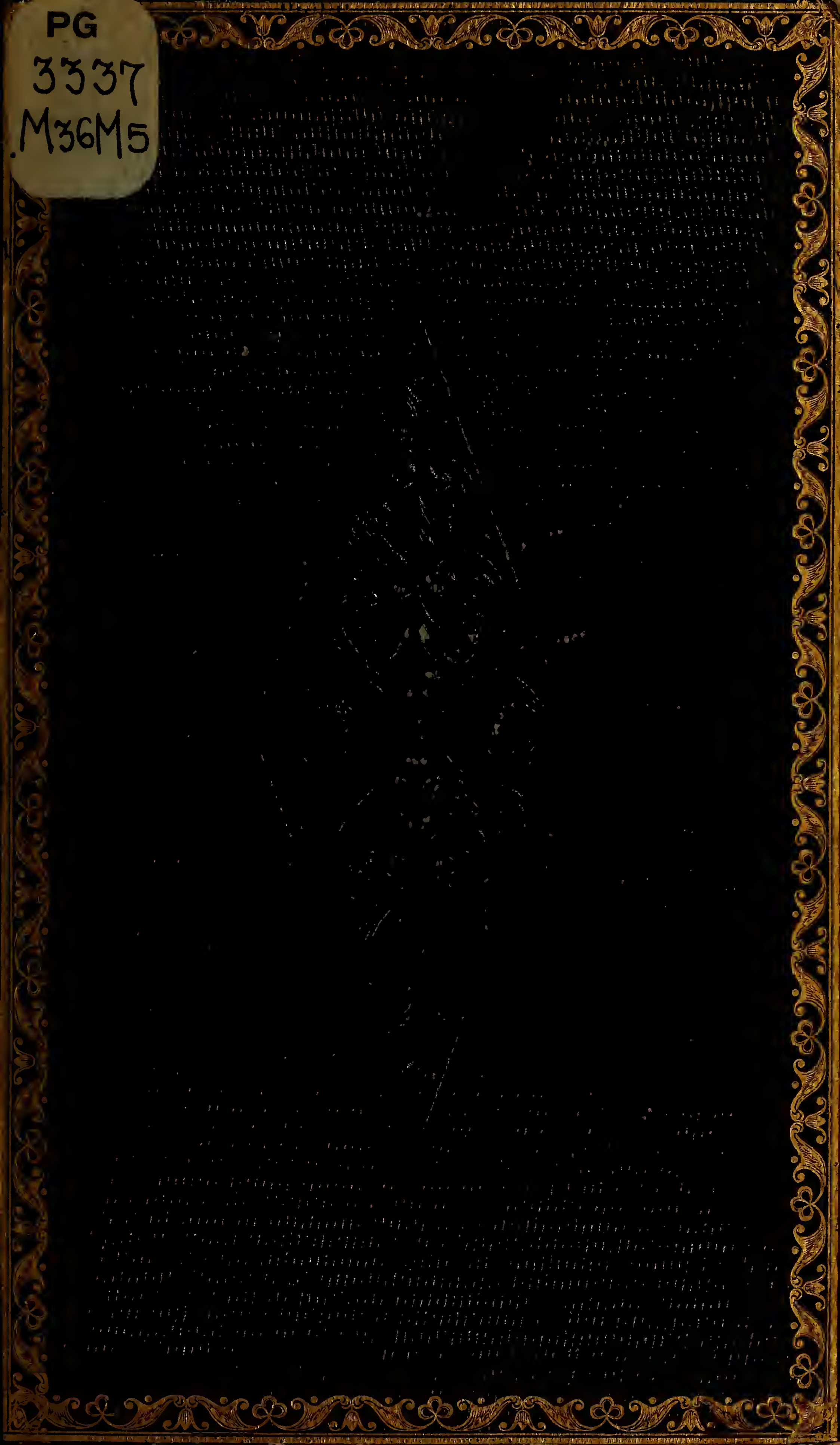

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Александру Васильевичу

Никитенко

Въ знакъ совершеннаго уваженія

отъ

Сочинителя

МЯТЕЖНИКИ.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 15 Ноября 1832 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

КАРЛУ ИВАНОВИЧУ

БИСТРОМУ 1му.

Господину Генералу отъ Инфантерiи, Генералъ-Адъютанту и Кавалеру разныхъ Россiйскихъ и иностранныхъ Орденовъ,

съ глубочайшимъ уваженiемъ и совершенною преданностiю, посвящаетъ

Сочинитель.

Ваше Высокопревосходительство!

Счастіе доставило мнѣ случай при особѣ Вашего Высокопревосходительства перенести труды и опасности войны съ Польскими мятежниками; я пользовался постоянно милостивымъ вниманіемъ Вашимъ даже и въ то время, когда тысячи безстрашныхъ были ввѣрены Вашей опытности; наконецъ, видя Васъ предъ лицемъ непріятельскихъ баттарей — я видѣлъ идеалъ Русскаго воина, видѣлъ — какъ разсвирѣпѣлыя полчища мятежниковъ оцѣпенѣли передъ мужествомъ предводимыхъ Вами героевъ, какъ, не внимая угрозамъ отчаянныхъ своихъ военачальниковъ, они пребывали неподвиж-

ными и при одномъ словѣ: Генералъ Биспромъ убитъ — *ринулись на чело безстрашныхъ, подобно бурнымъ волнамъ, внезапно расторгшимъ упорную плотину. — Я благоговѣлъ передъ Вами! Но почитаю излишнимъ всякое распространеніе о своихъ чувствахъ — Вы ихъ знаете и вѣрите, что они проистекаютъ изъ глубины души. Одно желаніе украсить трудъ свой именемъ безпредѣльно уважаемаго мною человѣка побудило меня къ предпріятію и исполненію онаго. Я почти увѣренъ, что Ваше Высокопревосходительство, по добротѣ своей, не лишите моей Повѣсти благосклоннаго своего вниманія — она есть плодъ времени отдохновенія отъ военныхъ трудовъ; среди бивачной жизни, я повѣрялъ памяти по-*

ражавшія меня впечатлѣнія, довершалъ ихъ, по возможности, воображеніемъ, въ надеждѣ составить нѣчто цѣлое, съ единственною цѣлью: посвятить Вамъ. Чуждый самонадѣянности, я долгомъ почитаю испрашивать снисхожденія Вашего Высокопревосходительства къ труду и милостиваго вниманія къ чувствамъ, побудившимъ предпринять оный.

Имѣю честь быть
Вашего Высокопревосходительства,
Милостиваго Государя,
преданный слуга

М. Марковъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Отрада жизни молодой,
Паркета вѣтреныя жрицы,
Живыя, милыя дѣвицы!
Бездушной вашей красотой
Прельщается моя собратья;
Но не мечтайте вы, подъ часъ,
Что ваши газовыя платья
Влекутъ всего сильнѣе насъ,
Что вами только мы счастливы;
Не будьте такъ самолюбивы.
Безъ васъ приходитъ къ намъ печаль,
Безъ вашихъ ласкъ бываетъ радость;
Лишь средь бездѣлья намъ не жаль
Почтить минутой вашу младость.
Среди жъ бивакъ, во тьмѣ ночной,
Вблизи костра, за пѣнной чашей,
Мы не уносимся душей
За легкимъ слѣдомъ ножки вашей.

Забыть огонь волшебныхъ глазъ,
И роскошь таліи поддѣльной,
И всё, что привлекало насъ
Средь жизни суетной бездѣльной.
Едва желанье закипитъ,
Едва вашъ образъ пролетитъ
Въ волшебномъ мірѣ сновидѣнья —
Ужъ сердце жаждетъ пробужденья,
Душа отвагою кипитъ
И проситъ только Русской славы,
Да славы добраго Царя,
И сонъ мгновенный, безъ отравы,
Умчитъ всходящая заря.

Я здѣсь безъ лести объяснился
И чувства высказалъ свои.
Я ихъ скрывать не научился,
Какъ вы, красавицы мои!
Одно вамъ только утѣшенье:
Что есть изъ правилъ исключенье,
Что я любезникъ преплохой;

XIII

Я, оскорбляя прямотой,
Не улыбаюсь по заказу,
На васъ смотрю, какъ на заразу;
Я съ вами дерзокъ и смѣшонъ,
И не былъ отроду влюблёнъ.
Но можетъ быть другой иначе
О вашихъ прелестяхъ мечталъ —
И въ самый бой душей горячей
Носилъ свой милый идеалъ.
И такъ, не гнѣвайся напрасно,
Красавицъ Невскихъ цвѣтъ прекрасный,
Блестящій скромной красотой!
Склони къ строкамъ несвязной сказки
Свои задумчивые глазки —
И помиришся ты со мной.

МЯТЕЖНИКИ.

ГЛАВА I.

ПИРЪ НА ПЕРЕХОДѢ.

Пей, друзья, покуда пьется!
Раичъ.

Дымная хата душна и темна;
Други! я хату весельемъ украшу.
Нѣтъ дѣвъ свѣтлоокихъ, такъ дайте вина,
До края напѣньте походную чашу!
И кубокъ нашъ первый — за здравье Царя,
За славу Россійскаго Трона!
Пусть блещетъ порфира съ него, какъ заря,
Какъ солнце сіяетъ корона.
И кубокъ сей будетъ пророкомъ добра!
Ура! ура! ура!

Такъ пѣли воины младые,
Ведя въ разсказахъ и винѣ
Часы досуга золотые;
Они мечтали о войнѣ;

Въ мечтаньяхъ пылкихъ и прекрасныхъ
У нихъ кипѣла сильно кровь,
Они забыли и любовь,
И поцѣлуй красавицъ страстныхъ.
Какъ пиръ, имъ веселъ былъ походъ;
Неложнымъ дружествомъ богаты,
Они стеклись подъ кровлю хаты,
Оконча длинный переходъ.
»И пей и пой!« они кричали:
»Пусть Польша слышитъ и дрожитъ;
Но что жъ товарищъ нашъ молчитъ?«
Поэтъ имъ пѣлъ — и всѣ внимали:

Поэтъ.

Друзья! — Пусть хладный вѣтръ шумитъ,
Встаетъ въ широкомъ полѣ вьюга, —
Вино въ насъ духъ развеселитъ,
Согрѣютъ насъ объятья друга;
И я желалъ бы всей душей
Провесть въ войнѣ младые годы, —
Мнѣ вой пріятнѣй непогоды,
Чѣмъ дерзкій смѣхъ кокетки злой!

Звучитъ военная труба,
Зоветъ отечества героевъ;
И вотъ насъ вывела судьба
На поприще кровавыхъ боевъ,
Гдѣ льетъ чугунный дождь рѣкой,
Свиститъ свинецъ, звучатъ булаты, —
Но мнѣ пріятнѣй визгъ гранаты,
Чѣмъ дерзкій смѣхъ кокетки злой!

Передъ Поэтомъ круговая
Вздымаетъ пѣну выше края;
»Пей, нашъ товарищъ дорогой!«
И хоръ, отгрянувъ, громовой
Потрясъ все зданье ветхой хаты:

Намъ всѣмъ пріятнѣй визгъ гранаты,
Чѣмъ дерзкій смѣхъ кокетки злой!

Вдругъ двери настежь — и въ бесѣду
Явился Ташкинъ.

Одинъ изъ пирующихъ.

Какъ въ попадъ
Гусаръ нашъ милый! пей-ка, братъ!
Сто разъ опаздывалъ къ обѣду,

Шампанскаго не промигнетъ.
Э полно, милый, кто такъ пьетъ?
Пей по-гусарски, живо, разомъ....
Теперь садись, а мы дольемъ.

Ташкинъ.

Я къ вамъ не гостемъ, но посломъ,
Прошу не оскорблять отказомъ:
Въ верстѣ отсюда славный домъ,
Хвалю его не безъ причины —
Я тамъ стою, друзья, и что жъ?
Зовутъ насъ всѣхъ на имянины.
Красавицъ сотню тамъ начтешь —
И нѣтъ ни одного мужчины.
Друзья, скорѣе по санямъ!
Вздѣвай скорѣй мундиръ на плечи!
Напрасно тратить время, рѣчи,
Повеселиться надо намъ;
Едва стемнѣло, не далеко...
Ну что жъ вы стали? суетись!
Смотри, Аркадій, берегись
Моей хозяйки свѣтлоокой!

Клянусь, не видывалъ милѣй:
Живѣй танцовщицы актрисы,
Вертлявой ласточки быстрѣй,
И обольстительнѣй Лаисы.
Всѣмъ дружній нравится призывъ;
На мигъ забыта жажда брани;
Вскричали всѣ на перерывъ:
Скорѣй давайте сани! сани!
Духи, помада и мундиръ,
Красавицъ вѣтреныхъ кумиръ,
Извлечены изъ чемодана.
Готовы всѣ, разфранчены,
Заранѣ всѣ обольщены
Прелестной ножкой, складомъ стана,
Роскошнымъ трепетомъ грудей
И блескомъ ласковыхъ очей.
Сошелъ съ крыльца поѣздъ огромный;
Садятся въ сани; мѣсяцъ полный
Сребритъ сіяющую даль,
Скрыпитъ въ зубахъ ретивыхъ сталь,
Съ ноздрей клубятся пара волны.
*

Разсѣлись, крикнули: пади! —
И всѣхъ какъ будто не бывало;
Лишь дымно вдоль дороги стало,
Да слѣдъ остался позади.

ГЛАВА II.

Аркадій.

Насъ различаютъ только способности ума и сердца.

Тассъ.

Еще Аркадій въ колыбели
Лишился родшихъ, и надъ нимъ
Часы веселья не летѣли
Своимъ полетомъ золотымъ.
Рука родная не ласкала
Его невинной красоты;
И жизнь не въ пору показала
Ему весь ужасъ наготы.
Въ тѣ дни, когда привыкли видѣть
Мы раемъ жизненный удѣлъ,
Ужъ грустный юноша успѣлъ
Людей и свѣтъ возненавидѣть.
Отрады жадно онъ искалъ,
Вперивъ въ науки умъ высокой,
Природы тайны разгадалъ —

Но тѣмъ тоски не разогналъ,
Залегшей на сердцѣ глубоко.
Во цвѣтѣ юношескихъ лѣтъ
Вступилъ онъ гордо въ душный свѣтъ.
Его характеръ отличался
Необычайной прямотой;
Въ глазахъ весь умъ его являлся,
Лице сіяло красотой;
Слѣдя людей, онъ строго мѣрилъ
И уважалъ ихъ по уму;
Но никогда и никому
Съ слѣпой покорностью не вѣрилъ;
На все готовъ былъ дать отвѣтъ;
Его ни почестьми, ни златомъ,
Ни соблазнительнымъ развратомъ
Не обольстилъ коварный свѣтъ;
Онъ былъ врагомъ неправды въявѣ;
Учтивъ съ учтивымъ, съ гордымъ гордъ,
Хотя бъ тотъ былъ въ чести и славѣ,
Не извинялъ ни чинъ, ни родъ.
Такъ, юноши не гнулась шея

Предъ взоромъ знатнаго глупца;
Ему былъ чуждъ языкъ льстеца
На пирѣ сильнаго злодѣя.

Неправдой міра угнетенъ,
Страдалъ Аркадій. Въ шумѣ свѣта,
Уже примѣтно вянулъ онъ;
Онъ былъ далеко отчужденъ
Любви роскошнаго привѣта.
Его характеръ убѣгалъ
Красавицъ Невскихъ; по несчастью,
Онъ былъ богатъ, онъ это зналъ, —
И потому не довѣрялъ
Ни ихъ любви, ни ихъ участью.

Но только грустный слухъ дошелъ,
Что Польша буйная возстала, —
Его душа затрепетала,
Какъ сномъ покинутый орелъ;
Исчезло облако печали
Съ его прелестнаго лица,
Глаза, какъ звѣзды засверкали

При видѣ сабли и свинца.
Балы, и сплетни, и обѣды
Онъ пренебрегъ, онъ ихъ забылъ,
И всей душею полюбилъ
Свои военныя бесѣды,
Гдѣ въ душномъ облакѣ сигаръ
Кипитъ звѣздяный токъ Моэта,
И гдѣ гремятъ стихи куплета
Подъ звукъ нестроенныхъ гитаръ,
Гдѣ всѣхъ единое желанье:
Походъ.

И вотъ, уже давно,
Въ Литву и въ Польшу внесено
Вино, и шумъ, и ликованье.
Теперь у всѣхъ тоска одна, —
Что медлитъ ясная весна,
И что-то снѣгъ не скоро таетъ!
А между тѣмъ, молва гремитъ:
Что Русь надъ Вислой ужъ стоитъ
И скорой битвы ожидаетъ.

ГЛАВА III.

Теара.

Зачѣмъ родилась она въ семъ развратномъ вѣкѣ? зачѣмъ невинная душа ея должна питаться отъ столь оскверненныхъ источниковъ?

Тассъ.

Взгляни на дѣву, какъ она
Весной семнадцатой прекрасна;
Но какъ завѣтная весна
Для милой дѣвушки опасна!
Вдругъ все не мило станетъ ей,
Что было прежде такъ прелестно,
И что-то грустенъ соловей,
И что-то груди будто тѣсно;
Въ часы плѣнительнаго сна
Мучитель духъ ее лелѣетъ:
Едва сомкнетъ глаза она —
Проснется быстро, покраснѣетъ....
И долго ликъ ея младой
Блеститъ улыбкой не земной....

Ея невнятнаго томленья
Не могутъ выразить уста.
Ей кажется, душа пуста,
Душа желаетъ наслажденья....
Какого жъ, гдѣ и какъ искать? —
Она не въ силахъ разсказать.

Въ свободной рѣзвости не зная,
Что къ сей губительной веснѣ
Близка, Теара молодая
Жила спокойно въ тишинѣ,
Въ дому родномъ, съ отцемъ и братомъ.
Но въ Польшѣ бунтъ — и вотъ они
Ведутъ въ открытомъ полѣ дни,
И препоясаны булатомъ.

Чернѣе вранова крыла
Сбиралась туча надъ Варшавой —
Парилъ съ Литвы орелъ двуглавый.

Ядъ заразительнаго зла
По Польшѣ текъ; и кто по волѣ

Не шелъ подъ знамя мятежа,
Того влекли въ оковахъ въ поле,
И тотъ подъ лезвіемъ ножа
Давалъ преступную присягу:
Имѣнья, жизни не щадить,
И безъ побѣды не вложить
Однажды вынутую шпагу.
У всѣхъ, какъ будто отъ чумы,
Перетуманились умы;
Всѣ сказкамъ вѣрятъ, словно дѣти;
Полнѣютъ войско и казна;
Полны вельможъ коварныхъ сѣти.
И даже слабая жена,
Съ мечемъ въ рукѣ, увлечена
Волнами бурнаго потока.
Весь край застигнула гроза....

Покинута на волю рока
И попеченія Ксенза,
Теара дни свои проводитъ.
Отецъ духовный къ ней приходитъ

Своей молитвой услаждать
Печали жизненной дороги:
Онъ къ ней приходитъ помогать
Сбирать условные налоги
И въ дань отчизнѣ отсылать.

Возможно ль стать противъ природы;
Возможно ль сердце пріучить
Всегда безумолку грустить,
Когда текутъ веселья годы?
Теара рѣзвая была
Среди печалей весела.
Ее природа наградила
Умомъ и пламенной душей,
Теара всѣхъ обворожила
Своей небесной красотой.
Ея слова звучатъ, — какъ лира,
Она легка — какъ ароматъ,
Свѣжа — какъ Май; глаза горятъ
Огнемъ лазоревымъ эѳира;
Алѣе розы молодой

Ея уста, въ нихъ страсть и нѣга;
Ея плеча, бѣлѣе снѣга,
Ласкаетъ локонъ золотой;
Ея единое явленье
Какого бъ сердца не зажгло?
А ей судьба, какъ бы на зло,
Дала на часть уединенье.

ГЛАВА IV.

БАЛЪ.

....Гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе

Державинъ.

Вблизи дороги, древній домъ
Блеститъ какъ зарево огнемъ;
Ряды саней тѣснятся къ плошкамъ,
Подъѣздъ растворенъ для гостей,
Рой любопытныхъ бабъ, дѣтей,
Прильнулъ къ сіяющимъ окошкамъ.
Играетъ вальсъ военный хоръ,
Любезникъ Ташкинъ все уладилъ;
Да вотъ и онъ — стрѣлой на дворъ....
Усы широкіе разгладилъ,
И предъ хозяйкой молодой
Явился съ вѣтренной толпой,
Своихъ друзей рекомендуетъ,
И проситъ полюбить гостей,
Она смущается, и съ ней

Гусаръ нашъ лихо вальсируетъ.
Собранье стало веселѣй.
Во слѣдъ любезному корнету,
Безъ думы, вихремъ по паркету
Пустились наши молодцы:
Вертятъ Полячекъ безъ разбора,
Къ красѣ и ловкости слѣпцы;
Балами принятаго вздора
Они не шепчутъ, — и пока
Заводятъ рѣчь издалека
О Петербургѣ, о Парижѣ,
О красотѣ Литовскихъ дѣвъ,
О танцахъ; между тѣмъ подсѣвъ
Къ Полячкѣ миленькой поближе,
Твердятъ лукаво: что она
Ловка, любезна и умна;
Вслухъ соглашаются съ молвою,
Что краше Полекъ нѣтъ собою;
И черезъ часъ друзья мои,
Въ дому, имъ чуждомъ, какъ свои. —

Но что Аркадій одинокой
Бѣжитъ отъ храма красоты,
Зачѣмъ лица его черты
Хранятъ слѣды тоски глубокой?
Съ живымъ участіемъ Поэтъ
Спросилъ: »Ты чѣмъ-то недоволенъ?
Ты такъ унылъ, или ты болѣнъ?«
Но онъ сказалъ, вздохнувши: — »нѣтъ!« —
И встрѣтилъ бѣглый взоръ Теары,
И загорѣлся какъ пожаръ . . . .
Ее межъ тѣмъ умчали пары.
»Мой другъ! мнѣ кажется Гусаръ
Тебѣ пророчилъ безъ ошибки?
(Сказалъ Поэтъ не безъ улыбки)
И если бъ знать то напередъ,
Остаться дома бы въ покоѣ;
Теперь житье тебѣ плохое
И будетъ тягостенъ походъ.
Ужъ мы съ тобой не жди веселья!
Ты помяни мои слова,
Съ любви кружится голова

Не хуже всякаго похмѣлья.
Повѣрь мнѣ, такъ, моя душа!
А впрочемъ, я съ тобой согласенъ,
Что этотъ вздохъ твой не напрасенъ —
Она какъ ангелъ хороша....«
Еще не кончилъ нашъ писатель,
Какъ Ташкинъ, вѣтреный вздыхатель,
Предъ нимъ насмѣшливо поймавъ
Двухъ дамъ, или дѣвъ, отмѣнно дюжыхъ,
Рябыхъ, жеманныхъ, неуклюжыхъ,
Къ Поэту съ ними подбѣжавъ,
Одушевленный эпиграмой,
Спросилъ: la rose où la violette?
La Rose, сказалъ, привставъ, Поэтъ,
И улетѣлъ съ претолстой дамой;
Но безъ успѣха здѣсь была
Гусара милаго услуга,
Она улыбки не взяла
Съ лица задумчиваго друга.
Изнемогая отъ недуга,
Веселой мысли въ далекѣ,

Склонилъ онъ голову къ рукѣ,
Въ раздумьи поднялъ взоръ унылый,
Какъ будто былъ на потолкѣ
Начертанъ образъ сердцу милый;
Мечта, одна во слѣдъ другой,
Играли пламенной душой.
Но вдругъ онъ слышитъ гласъ Поэта:
»Амврозія или Комета?«
Проснись, Аркадій, предъ тобой,
Какъ существо младое рая,
Съ румянцемъ алымъ на щекахъ,
Съ огнемъ живительнымъ въ очахъ,
Стоитъ Теара молодая,
Стоитъ, и съ нетерпѣньемъ ждетъ —
Кого Аркадій изберетъ.
»Амврозія« сказалъ мечтатель,
И обхватилъ эѳирный станъ;
Казалось, цѣлый океанъ
Блаженства далъ ему Создатель.
Лицемъ касаяся кудрей,
Забылся онъ, отъ страсти тая,

И божество души своей
На третьемъ турѣ оставляя,
Благодаритъ, не поклонясь;
Она въ отвѣтъ ему — присѣла,
Не подымая милыхъ глазъ,
И вся примѣтно покраснѣла.
Счастливцу шепчетъ молодежъ:
»Ты залетѣлъ въ чертоги Феи!
Сбирай желанные трофеи,
Ты ихъ со славой соберешь.
Блаженство пей изъ устъ прекрасной,
Какъ часто съ нами, въ часъ ненастный,
Клико изъ полной чаши пьешь!
Смѣлѣй, послушайся совѣта!«
Поэтъ, вмѣшавшись въ кругъ друзей,
Спросилъ Аркадья: »что хмѣльнѣй —
Амврозія, или Комета?«

Тогда въ веселый кругъ гостей
Взошелъ Полякъ красивый, стройный;
Теара вспыхнула. Онъ къ ней
Идетъ съ улыбкой безпокойной,

Едва привѣтствіе сказалъ,
Какъ всѣхъ окинувъ злобнымъ взоромъ,
Ей что-то быстро прошепталъ
Съ примѣтнымъ сердцемъ и укоромъ.
Казалось, онъ не признавалъ
Приличій свѣтскаго закона;
Онъ все собранье миновалъ,
Съ надменнымъ видомъ, безъ поклона,
И скрылся въ дальній кабинетъ.
Судя по виду, безъ сомнѣнья,
Онъ образованъ, знаетъ свѣтъ;
На немъ былъ Русскій крестъ надѣтъ.
Къ чему жъ въ немъ должнаго почтенья
Къ побѣдоносцамъ Русскимъ нѣтъ?
Къ чему съ Теарой онъ такъ воленъ?—
И имъ Аркадій не доволенъ.
Тма подозрѣній и тревогъ
Родилась въ глубинѣ сердечной....
Ужъ гдѣ любовь, тамъ ревность вѣчно,
И каждый шагъ къ враждѣ предлогъ.

Военный духъ невѣждъ не любитъ.

И часто, часто молодежъ
Себя, неопытная, губитъ.
Но юной крови не уймешь!
Что было — есть, и вѣчно будетъ:
Тому бѣды не миновать,
Кто долгъ приличія забудетъ.
Вотъ всѣ ужъ начали шептать;
Вотъ собрались у кабинета . . . .
И Поляку не избѣжать
За дерзость строгаго отвѣта.

Ташкинъ (*тихо*).

Идите къ дамамъ, господа,
Не надо дѣлать гласной ссоры.

Поэтъ (*также*).

Э, полно, Ташкинъ! что за вздоры . . . .
Оставь . . . .

Ташкинъ (*въ полголоса*).

Невѣжду? никогда!
Я дамъ ему урокъ изрядный,
Понижу вздернутый тупей
И этотъ тонъ весьма парадный.

(*Громко*) Поляки дождались гостей,
Но имъ, какъ кажется, не рады —
Мы много принесли мечей
Измѣнѣ буйной для награды.

Полякъ.

О, нѣтъ! божится я готовъ,
Что вы въ сужденіяхъ не правы;
Хотятъ изъ Русскихъ череповъ
Мостить всѣ улицы Варшавы ....

Аркадій.

Гдѣ вамъ врата сооружатъ
И, съ честью должной, вашу шею
Пеньковымъ галстукомъ почтятъ.
За что почти ручаться смѣю ....

Полякъ.

Вы забываетеся!

Аркадій.

Въ чемъ?

Полякъ.

Въ чемъ!... Вы не избѣжите мести!
Когда прикажете, на чемъ?

Аркадій.

Царя измѣнники безъ чести —
Мнѣ стыдно драться съ Полякомъ.

Полякъ.

Вашъ стыдъ предлогъ, а трусость дѣло;
Вамъ слишкомъ страшенъ пистолетъ;
Къ чему жъ забавиться такъ смѣло?
Прошу покорно дать отвѣтъ!...
Вы первый будете примѣромъ
Безумцамъ наглымъ... Гдѣ жъ, на чемъ?
Деритесь съ Русскимъ кавалеромъ —
Коль стыдно драться съ Полякомъ!

Аркадій.

Измѣнникъ злой... безъ предисволья,
Поутру завтра, въ трехъ шагахъ,
Тамъ за горой — вотъ всѣ условья.
Кому изъ насъ приличнѣй страхъ
Увидимъ ясно...

Полякъ.

Безподобно!

Ташкинъ.

Прервать позвольте разговоръ!
(*Поляку*) Вамъ имя объявить угодно?...

Полякъ.

Гардовскій, отставной Маіоръ.

Ташкинъ.

Живете гдѣ?

Гардовскій.

Не подалеку.

Ташкинъ.

Чьи пистолеты?

Гардовскій.

Все равно.

Ташкинъ.

Пусть секундантъ пріѣдетъ къ сроку,
Условиться не мудрено.
И такъ прощайте, до разсвѣта!«
Полякъ, надменно поклонясь,
Тотчасъ ушелъ изъ кабинета,
И вскорѣ скрылся, не простясь.
Межъ тѣмъ ужъ зала опустѣла;

Уже нечаяннымъ гостямъ
Настало время по домамъ;
Теара съ трепетомъ глядѣла,
Когда Аркдій подойдетъ
Сказать прости; но онъ остался;
Онъ ночь у друга проведетъ,
Онъ съ ней до утра распрощался, —
И какъ былъ взоръ краснорѣчивъ,
Смутившій очи голубыя!
Какъ былъ привѣтъ ея стыдливъ!
Какъ бились перси молодыя!
Какъ былъ медлителенъ поклонъ,
Неловки, странны всѣ движенья,
Несвязны рѣчи, какъ сквозь сонъ!...
Извѣстно всѣмъ, кто былъ влюбленъ,
Что въ первомъ страстномъ объясненьи
Не нужно пламенныхъ рѣчей,
Довольвно вздоха или взора....
Ужъ сердце пылкое пойметъ
Изъ нихъ всю силу разговора,
И очи выразятъ отвѣтъ. —

ГЛАВА V.

Гардовскій.

И тьмы лѣсовъ страшится онъ:
Тамъ бродятъ привидѣнья!
Жуковскій.

»Садись, Михаль, и будь возницей,
А хлопецъ пусть идетъ домой.
Мы полетимъ съ тобою птицей
И перемолвимся съ тобой;
Мнѣ здѣсь не время мѣшкать долѣ.«
Гардовскій молвить лишь успѣлъ,
Какъ бичъ широкій засвистѣлъ,
И вотъ ужъ кони мчатся въ полѣ.
Вдали чуть блещетъ огонькомъ
Теары юной пышный домъ —
И вотъ его невидно болѣ...

Гардовскій.

Михаль! потише, снѣгъ глубокъ,
Надъ головой повисли ели,
Сдержи коней, путь не далекъ,

(Какъ я далекъ былъ можетъ цѣли!)
Дай возжи мнѣ! садись со мной!
Намъ тѣсно, сядь мнѣ на колѣни!
Тебѣ не нужно увѣреній,
Что я тебя люблю душей;
Я гордъ и золъ, но для тебя ли?
И вотъ уже восмнадцать лѣтъ
Одинъ лишь ласковый привѣтъ
Во мнѣ глаза твои встрѣчали.
Дѣля мой столъ и мой покой,
Ты, съ колыбели бывъ со мной,
Былъ для меня одной заботой.
Но почему? мой другъ, не знай —
И съ прежней дѣтскою охотой
Забавы юности вкушай.
Вѣрь, зла тебѣ я не желаю!
И ты утѣшь меня! Рука
Твоя неслыханно мѣтка;
Я съ гордостью молвѣ внимаю,
Что ты, преслѣдуя волковъ,
Разсыпалъ страхъ въ глуши лѣсовъ

Еще незнаемый отъ вѣка;
Ты мнѣ звѣрей приносишь въ даръ.
Попробуй, вѣренъ ли ударъ
Твой будетъ въ сердце человѣка!
Ты испугался!... Онъ злодѣй,
Изчадье ада, врагъ святынѣ,
Алчнѣй, свирѣпѣй всѣхъ звѣрей,
Тобою виданныхъ донынѣ.«

Михаль.

Кто жъ онъ?

Гардовскій.

Нашъ Ксензъ. Я для него
Прошу удара твоего.

Михаль.

Ты силенъ, Панъ, въ твоей я власти,
Низринь меня, въ пучину бѣдъ,
Дай испытать мнѣ всѣ напасти,
То и тогда скажу я: нѣтъ!

Гардовскій.

Я зналъ, предвидѣлъ сей отвѣтъ
Души младенческой, прекрасной.

Но слушай, рядъ злодѣйствъ ужасный
Раскрыть я долженъ предъ тобой;
Онъ будетъ тайной между нами....
Ты помнишь, прошлою весной,
Какъ подъ кровавыми бичами
Несчастный умиралъ старикъ?
Онъ тайный ножъ мнѣ въ грудь на-
правилъ;
Но дерзкій замыселъ оставилъ.
А онъ злодѣй, какъ духовникъ,
Давно минувшее проникъ;
Онъ зналъ — моя ужасна злоба! —
И далъ мнѣ жертву! для чего?
И кто причиною его
Въ крови дымящагося гроба?
Что жъ онъ—служитель Церкви?—Онъ,
Не болѣ, какъ изъ злата горсти,
Сокрылъ поруганныя кости,
Презрѣлъ Религіи законъ.
Михаль! гляди.... тамъ въ отдаленьи...
Вотъ на кладбищѣ, въ сторонѣ,

Встаетъ . . . и . . . гробовое пѣнье . . .
Иль то послышалося мнѣ?
Иль прахъ мечта одушевила?
Проѣдемъ мимо поскорѣй!
Вотъ старца бѣднаго могила . . .
Смотри, кровавый паръ надъ ней . . .
Михаль, хлещи же лошадей!
Ну вотъ она ужъ и за нами.
Какими страшными мечтами
Съ разсвѣта жизнь моя полна!
Вотъ повѣсть юности одна:
Я зналъ Шляхтянку, цвѣтъ прекрасный
Изъ всей Литовской стороны;
Она уже любила страстно,
Какъ мнѣ плѣнительные сны
Явили образъ дѣвы милой
И, мыслью я привыкнувъ къ ней,
Рѣшилъ: иль волей или силой
Владѣть невинной. — Я скорѣй
Ксензу открылся. Что жъ? пропажа
Въ его дому святыхъ вещей;

И гдѣ отыскана покража?
И кто виновникомъ былъ? Онъ,
Любимецъ дѣвы недоступной.
Онъ ею въ мигъ пренебреженъ,
Цѣпями, стражей окруженъ,
И сосланъ въ ссылку какъ, преступный.
Объ немъ нѣтъ слуха . . . А она,
Отрады сердца лишена,
Моихъ сѣтей не избѣжала.
Но грусть всечасно съ ней была,
Ее примѣтно разрушала
И наконецъ во гробъ свела. . . .
А кары нѣтъ за преступленье!
Еще ль мнѣ должно продолжать?
Судьба тебя зоветъ для мщенья,
Она твоя, злосчастный, мать . . . .«
— Затрепетала грудь младая
И кровью налились глаза.
Слетѣла клятва роковая,
Свершился приговоръ Ксенза.
Пока недугъ ожесточенья

Михаля жегъ и волновалъ,
Гардовскій тихо продолжалъ:
»Ея не зрѣлъ я погребенья,
Не смѣлъ могилы посѣтить....
Лишь крестъ велѣлъ поставовить,
Надъ скорбной жертвой обольщенья.
Пади на прахъ, невинный сынъ,
Чтобъ мать за гробомъ не стенала!
Ты крестъ найдешь, — лишь онъ одинъ
На всемъ кладбищѣ изъ металла.
Но вотъ недалеко отъ насъ
Ксенза преступнаго обитель.
Остановись на время, мститель,
Не наступилъ злодѣя часъ!
Онъ нуженъ мнѣ въ послѣдній разъ....
Злодѣй еще мнѣ нуженъ ... скоро
Онъ насъ оставитъ навсегда....
Свяжи коней за повода
Хоть у креста, хоть у забора.
И жди ... съ восходомъ солнца смерть—
Но ты склоняешься главою?

Поводья звукнули о мѣдь....
Родимой кости предъ тобою....
Молись, мой сынъ, надъ сей землею.«
Гардовскій, скрывшись межъ кустовъ,
Нарушилъ мертвый сонъ гробовъ,
Мечтамъ, противиться не въ силѣ:
»Михаль! она бѣжитъ за мной...
Михаль! держи ее въ могилѣ!....«
И замеръ голосъ громовой.

ГЛАВА VI.

Ксензъ.

. . . . лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ!
Крыловъ.

Какую лѣтопись ведетъ
Ученый Ксензъ въ минуты ночи?
Зачѣмъ его сверкаютъ очи,
Когда рука перо беретъ
И строки длинныя выводитъ?
Онъ то спокоенъ, то угрюмъ,
И, мнится, напряженный умъ
Его въ странѣ далекой бродитъ,
Гонясь за мыслью золотой,
Какъ иногда любовникъ страстный
Въ толпѣ блестящей и прекрасной
Подруги ищетъ молодой.
Но вотъ онъ всталъ, и молвилъ слово:
»Такъ, нѣсколько еще минутъ —
И я окончу важный трудъ;

Одна строка — и все готово!
Заутро проповѣдь свою
Я въ сеймъ Варшавскій отсылаю;
Ее съ восторгомъ примутъ—знаю,
И въ томъ заклятіе даю.
Кто можетъ выставить такъ смѣло:
Святыней буйственное дѣло,
Необходимость защищать
Отъ милостей Царя Варшаву
И за позорящую славу
Имущество и жизнь отдать?
Потребно сильный даръ витіи
И обладать моимъ умомъ,
Чтобы представить чернымъ зломъ
Благодѣянія Россіи.
Меня успѣхъ блестящій ждетъ;
Явлюсь въ костелѣ предъ народъ,
Съ слезами буду проповѣдать, —
И сколько юношей пойдетъ
Въ бою мечи свои извѣдать!
Польются милости рѣкой

*

Въ мою смиренную обитель...
А я, Предвѣчнаго служитель,
И средь враговъ найду покой.
Стучится кто-то! знать за мною,
Для отпущенія души;
Какъ не пошелъ порой ночною
Сбирать проклятые гроши!
Не та пора теперь настала....«
— Вдругъ дверь шапнулась, затрещала,
Казалось, адскою рукой
Былъ вырванъ ввинченный пробой;
И кто жъ? Гардовскій,—дыбомъ волосъ,
Страшнѣй явленья мертвеца,
Глаза потухли, нѣтъ лица,
Дрожатъ колѣна, замеръ голосъ....
Ксензу на сердце палъ морозъ....
И онъ смиренно произнесъ:
»Скажи, зачѣмъ, мой сынъ, явился?
Ты помѣшалъ моей мольбѣ;
Иль ты съ пути во мракѣ сбился?
Къ кому ты шелъ?....»

Гардовскій.

Къ тебѣ, къ тебѣ....

Ксензъ.

Скажи. — Я твой въ минуту нужды;
Мой долгъ помочь бѣдѣ твоей!
Дѣла благія мнѣ не чужды.

Гардовскій.

Не притворяйся, ты злодѣй,
Какихъ злодѣевъ въ мірѣ мало!
И мы условимся съ тобой:
Фольварокъ лучшій будетъ твой
И треть имѣнья — вотъ начало.
Послушай, Ксензъ, не откажись —
Тебя назначилъ я убійцей....
О, не смущайся не страшись,
Ты былъ стократно кровопійцей;
Мы клятвой связаны съ тобой,
Она виситъ, какъ громъ надъ нами!
Ты помнишь старца подъ бичами,
Шляхтянку, дивную красой!
О, я тебѣ, какъ призракъ грозный,

Былое буду оживлять;
До утра стану исчислять
Злодѣйства . . . Нѣтъ, ужъ будетъ поздно!
Спаси, съ восходомъ дня дуэль:
Дерусь я съ Русскимъ; сердце сжалось. . .
Иди, убей его! — Вотъ цѣль
Моихъ исканій. Мнѣ казалось,
Что я ужъ въ тартарѣ, въ огнѣ . . . .
Спаси! — Или не жить мнѣ долѣ.
Легко прокрасться въ тишинѣ . . . .
Не возражай! однимъ лишь болѣ,
А для убійцы все равно . . . «
  И слово страшное дано,
И взятъ кинжалъ для пораженья.
Гардовскій радостно вздохнулъ,
Злодѣя обнялъ и шепнулъ:
»Припомни домъ и треть имѣнья . . . «

ГЛАВА VII.

НЕУДАЧА.

Жива ли я? — Сердце холодно,
кровь остановилась. — Какой
страшный голосъ!

Карамзинъ.

Темнѣла полночь. Все молчало,
Давно вкушало все покой,
Лишь сердце дѣвы молодой
Въ груди стѣсненной трепетало.
Еще не вѣдала она,
Тоской, иль радостью полна;
Ея мечтанья были новы;
Постель казалась горяча;
Она съ лилейнаго плеча
Сорвала жаркіе покровы,
Желая сердцемъ отдохнуть,
Полночный долгъ отдать природѣ, —
И восхитительная грудь
Затрепетала на свободѣ,
И подъ прозрачной пеленой

Обрисовалась прелесть стана
И прелесть ножки молодой;
Такъ въ тонкомъ облакѣ тумана,
Въ часы мечтанія, видна
Небесъ красавица — луна.
Вдругъ кто-то стукнулъ; мыслитъ дѣва:
»Ужели онъ?« Ея глаза
Полны отчаянья и гнѣва,
Трепеща, ждетъ — и зритъ Ксенза.

Теара.

Панъ Ксензъ!.... Скажи, какой судьбою
Ты здѣсь явился предо мною?
Почто и съ чѣмъ? Давно ужъ ночь!

Ксензъ.

Да будетъ міръ съ тобою, дочь,
И сила горней благодати!
Почто жъ блѣднѣешь ты, какъ тѣнь,
И прижимаешься къ кровати!
Твоя душа ясна, какъ день,
Чиста, какъ ангелъ златокрылый.

Отринь дивическій свой стыдъ; —
Души, хранимой высшей силой,
Твоя краса не возмутитъ,
Я чуждъ земнаго искушенья!
Не сокрывай младую грудь,
Свободнѣй будетъ ей вздохнуть
Въ минуту грознаго волненья....

Теара.

Меня объемлетъ тайный страхъ....
Скажи скорѣй, не мучь напрасно!

Ксензъ.

Я видѣлъ женщину въ цѣпяхъ,
Я зрѣлъ мученія несчастной:
Увы! она была рабой,
Родясь для скиптра и короны;
Она пускала воплѣ и стоны
Подъ иноземною пятой;
Къ ней страшные ходили гости:
Съ пилой, клещами и бичемъ,
Терзали плоть, пилили кости
И жгли медлительнымъ огнемъ;

Имъ чужды плачъ и укоризна!
Ужъ многихъ членовъ лишена
Она была . . . .

ТЕАРА.

Но кто жъ она?

КСЕНЗЪ.

Твоя злосчастная отчизна. «

Въ глазахъ коварнаго Ксенза
Сверкнула яркая слеза.
Уже свирѣпствовалъ ужасно
Ускусно поданный имъ ядъ;
И Ксензъ душей былъ злобной радъ,
Страданья дѣвы видя ясно:
Остановя свой тусклый взоръ,
Она дрожитъ и страшно дышитъ,
Какъ будто гласъ небесный слышитъ
Рекущій смертный приговоръ.
Сраженная ударомъ сильнымъ,
Она, не плача, но стеня,
Сказала голосомъ могильнымъ:
»Обрадуй, воскреси меня!

Скажи, что вѣришь ты надеждѣ,
Мечтамъ единственнымъ моимъ,
Что будетъ край родной, какъ прежде,
Широкъ, могучь, непобѣдимъ,
Что вновь въ подсолнечной заблещетъ
Его вѣнчанная глава —
У горделивая Москва
Предъ нимъ, какъ прежде, затрепещетъ.
Иль призракъ счастія пропалъ
И Польша сирота у свѣта?«
Заплакалъ Ксензъ — и безъ отвѣта
Ей подалъ блещущій кинжалъ.

Ксензъ.

Самъ Богъ, смиренной голубицѣ,
Тебѣ сію вручаетъ сталь,
Возстань, подобна будь тигрицѣ,
Когда тебѣ отчизны жаль.
О, если каждая десница
Жены, иль дѣвы молодой,
Сразитъ врага, — повѣрь, съ весной
Взойдетъ желанная денница:

Повсюду радость зашумитъ
И будетъ праздникъ всенародный,
Москаль собой не отягчитъ
Земли Поляковъ благородной.
Въ твоемъ жилищѣ Русскій спитъ....
Теперь ты знаешь цѣль кинжала....
Почто жъ рука твоя дрожитъ,
Почто ты вся затрепетала?
Тебя страшитъ святой призывъ!!
Какъ онъ могучъ и справедливъ,
Какъ будетъ месть полна, примѣрна!
Явись, какъ древле Іудиѳъ
Съ главой явилась Олоферна!
Какой Полякъ не будетъ радъ,
Услыша вѣсть о мести нашей!
Или, — со мной надежный ядъ....
Не опоздай съ заздравной чашей!«

Теара.

Служитель Вѣры, устыдись,
Склони къ землѣ скорѣе очи!
Въ тебѣ ль тѣ мысли родились?

Онѣ чернѣе полуночи.
Безщадно сонныхъ убивать,
Давать за трапезой отравы....!
Ты ль это могъ мнѣ предлагать?
Нѣтъ, ты не хочешь Польской славы!
Бѣги ты къ страждущимъ больнымъ
И лучше тамъ, себѣ въ отраду,
Вмѣшай ты имъ въ лекарства яду —
И возгордись поступкомъ симъ.
Конечно я была бъ тигрица,
Когда бъ совѣтъ твой приняла.
Какой успѣхъ въ дѣяньи зла!
Полякъ боецъ — но не убійца!
И я клянусь тебѣ въ сей мигъ,
Клянусь предъ всемогущимъ Богомъ,
И устою въ обѣтѣ строгомъ,
Что я пойду въ ряды моихъ
Родныхъ Поляковъ, сильныхъ, смѣлыхъ,
Труды я съ ними раздѣлю
И пѣсни строевъ ихъ веселыхъ:
Я докажу, что я люблю

Отчизну милую, святую.
Но, мой учитель! дай отвѣтъ,
Тебя строго испытую,
Скажи мнѣ: Тотъ ли Богъ иль нѣтъ,
Меня къ убійству посылаетъ,
Который извергамъ прощаетъ,
Который научилъ меня
Во всемъ его величье видѣть, —
Въ восходѣ, въ захожденьи дня
И злыхъ враговъ не ненавидѣть?
Тебѣ сталъ въ тягость свѣтъ огня...
Молчишь?.... Такъ знай, что если бъ даже
Ты самъ хотѣлъ убійцей быть, —
Тебѣ къ нему не доступить:
Я буду у него на стражѣ.
О, какъ унизилъ ты себя!
Кольнулъ ты сердце страшнымъ жаломъ.
Бѣги, бѣги съ своимъ кинжаломъ,
Смотрѣть мнѣ страшно на тебя.

ГЛАВА VIII.

Духовникъ.

Вѣра да спасетъ тя!
Священ. Пис.

Куда и кто такъ рано въ путь?
Кого, какъ будто отъ погони,
Поднявъ хвосты, натужа грудь,
Несутъ чрезъ поле борзы кони?
Съ крутыхъ боковъ валится паръ,
Покрыты морды страшно пѣной
И шлетъ удару въ слѣдъ ударъ
По нимъ возница разъяренный;
Несутся.... стали предъ крыльцемъ,
Гдѣ ликовали гости пира,
Гдѣ вкругъ блистало все огнемъ,
И гдѣ теперь обитель мира.
Священникъ Русскій входитъ въ домъ;
На встрѣчу Ташкинъ: видъ смущенный...
Обнять онъ пастыря спѣшитъ,
Его рукой благословенный,
И старцу тихо говоритъ:

»Отецъ духовный, Бога ради,
Не медли душу отпустить,
Дуэль: — Полякъ и нашъ Аркадій,
И средства нѣтъ остановить!
Онъ здѣсь, не спитъ. Иди съ дарами
И вѣра да спасетъ его!
Лишь солнце станетъ надъ холмами —
Не нужно будетъ ни чего...«

Уже свинецъ улегся въ дуло;
Мелькнулъ съ востока слабый свѣтъ —
И сердце храброе вздрогнуло.
На заряженный пистолетъ
Аркадій брося взоръ угрюмый,
Смутился временно душей
И быстро къ дѣвѣ молодой
Перелетѣлъ прощальной думой:
Онъ ясно видитъ, какъ она,
Въ объятьяхъ утренняго сна,
Съ полуотверстыми устами,
Лежитъ, томленія полна,

И какъ роскошными грудями
Колеблетъ складки полотна;
Она вся жаръ и упоенье!...
Но для кого сей цвѣтъ развитъ?...
И въ пылкомъ сердцѣ подозрѣнье
Смолой клокочущей кипитъ.
Аркадій мыслитъ: день проглянетъ —
И можетъ быть, меня не станетъ;
А дѣва, съ пламенемъ любви,
Прижметъ къ груди своей убійцу,
Начнетъ лобзать его десницу,
Омытую въ моей крови,
Упавъ, какъ въ рай, въ его объятья,
Меня со смѣхомъ назоветъ,
И надо мной произнесетъ
Ругательства и всѣ проклятья....
Тогда....тогда въ могильной мглѣ
Раздастся хохотъ адской злости
И повоqротятся въ землѣ
Мои поруганныя кости....

Священникъ.

Мой сынъ духовный! дай отвѣтъ,
И не спрошу тебя я болѣ;
Скажи, что насъ за гробомъ ждетъ?
И жизнь твоя въ твоей ли волѣ?«

Вошедшій пастырь такъ вѣщалъ;
Съ его рѣсницъ слеза бѣжала;
Аркадій, слыша, замиралъ;
Душа отвѣта не сыскала.

Священникъ.

Заблудшій сынъ, остановись!
Творцу повѣря оскорбленье,
Прости обиду и смирись,
Вину накажетъ Провидѣнье.
Ужели предъ лицемъ его
Карать ты смѣешь самовластно,
Когда при смертномъ же, несчастный,
Молчишь, не смѣя ничего,
Страшася только бренной силы,
Обидъ и мимолѣтныхъ золъ;
А не страшитъ тебя престолъ

Возникшій за дверьми могилы!
Размысли; въ муки безъ конца!
Вотъ приговоръ тебѣ готовый.
А безконечность.... это слово
Колеблетъ варваровъ сердца.
Довѣрь слезамъ моимъ неложнымъ
И старческій — прими совѣтъ:
Прости съ великодушьемъ должнымъ,
Изринь изъ сердца гордость....

Аркадій.

Нѣтъ,
Отецъ! съ душевнымъ умиленьемъ
Поклялся я у алтарей:
Кто слово скажетъ съ непочтеньемъ
Про славу родины моей,
Тому — онъ будь хоть мой родитель,
Забывши дѣтскую любовь,
Тому я буду смертный мститель,
Пока течетъ по жиламъ кровь.
И хочешь ты, чтобы презрѣнный
Меня такъ нагло оскорбилъ,

Чтобъ я къ землѣ не пригвоздилъ
Сей труппъ, измѣной оскверненный?
И такъ, молись — не устрашай!
Рѣшился я. Пускай не вниду
Въ обѣщанный Всевышнимъ Рай.
Я мщу народную обиду.
Какъ Русской — не могу простить.
Дозволь колѣна преклонить
И, приступя съ мольбой къ святынѣ,
Сознаньемъ душу облегчить!
Внимай, въ чемъ грѣшенъ я донынѣ....

Священникъ.

Всевышній! на сію главу
Твои щедроты я зову.
Спаси своею силой дивной,
Когда безсиленъ я спасти,
Щитомъ незримымъ отврати
Погибель сей главы невинной!....«

Вдругъ конскій топотъ подъ окномъ:—
Гонецъ Гардовскаго съ письмомъ.
И Ташкинъ вслухъ прочелъ посланье:

»Я болѣнъ, не имѣю силъ
Явиться къ мѣсту ....«

ТАШКИНЪ.

Поступилъ
Прелестно!.... Низкое созданье,
Царю и чести измѣнилъ!
Но это слишкомъ .... Гей! (*входятъ слуги*) скорѣе
Донца! верхами всѣ за мной!....
Да взять нагаекъ. Ну, живѣе!
Прощай, Аркадій, — радъ душей.

ГЛАВА IX.

Хитрости.

Жестокій человѣкъ! ты превзошелъ ту силу, какая до сего времени дана была на землѣ злодѣямъ, и превзошелъ ее для моей погибели.

Тассъ.

Трещитъ въ каминѣ огонекъ.
Гардовскій бросилъ съ сердцемъ книгу,
И, быстро дернувъ за звонокъ,
Велѣлъ призвать къ себѣ Людвигу.
Въ полупрозрачномъ шушунѣ
Полячка рѣзвая явилась
И, при сверкающемъ огнѣ,
Къ Пану суровому склонилась
Съ преступной нѣгой на плечо.

Гардовскій.

Привстань, Людвига, горячо
И тяжко мнѣ . . . цѣлуй нѣжнѣе . . .
Что жъ прежней жизни нѣтъ въ устахъ?

Какъ тамъ темно въ углу, въ цвѣтахъ!—
Зажги тамъ свѣчи поскорѣе...
Каминъ потухнетъ, — дай огня.
Какъ ты похожа на Теару!
Спой что нибудь; возми гитару;
Садись тѣснѣй возьлѣ меня,
Мнѣ что-то холодно, ужасно...
Дай мнѣ стаканъ, налей вина...
Людвига! что ты такъ блѣдна?
Не правда ль, страшно здѣсь? Напрасно
Боишься ты... Моя любовь
Не разлучитъ тебя со мною...
(Людвига подаетъ Гардовскому
стаканъ краснаго вина.)
Прочь, прочь, Людвига! чортъ съ тобою!
Ты подаешь его мнѣ кровь...«
Такъ до разсвѣта бушевала
Возникшей совѣсти гроза;
Душа преступная алкала
Бесѣды хитраго Ксенза,
И вотъ онъ входитъ.

Ксензъ (*неся чашу съ дарами и стклянку съ лекарствомъ.*)

Измѣнила
Надежда намъ. — Не унывай!...
Моя рука не поразила;
Но будь спокоенъ и внимай:
Все мной устроено; съ разсвѣтомъ
Михаль вручитъ письмо *ему*,
Что ты не будешь съ пистолетомъ,
И что причиною тому
Болѣзнь. А самъ я здѣсь, съ дарами.
И ежели нежданно, вдругъ
Они сюда наскачутъ сами
И не признаютъ твой недугъ,
То не подступятся къ святынѣ;
Ты ею смѣло оградись:
А мнѣ въ награду, — лишь, отнынѣ,
Будь нѣмъ о прошломъ. Притворись,
Тамъ кто-то скачетъ по дорогѣ;
Мнѣ разсмотрѣть мѣшаетъ даль.

Не предавайся пустой тревогѣ!
Вотъ близко . . . Это онъ, Михаль!
Ну что? *(Входитъ Михаль.)*

Михаль.

Озлились, словно волки,
И мигомъ налетятъ на насъ.
У нихъ не длинны были толки;
Сѣдлать коней былъ данъ приказъ,
Да взять нагаекъ про запасъ.
Вотъ что-то у лѣсу туманно . . .

Гардовскій.

Что дѣлать?

Ксензъ.

На перо, пиши
Хоть завѣщаніе души,
Идущей въ край обвѣтованный.

Гардовскій.

Ксензъ! не смотри ты мнѣ въ глаза . . .
(Пишетъ, говоря)
По смерти все мое имѣнье
Да будетъ собственность Ксенза.

Гардовскій (*Бросаетъ перо*).
(*Когда Гардовскій подписываетъ фамилію, Ксензъ всыпаетъ въ лекарство ядъ*).

Михаль

Скачутъ въ отдаленьи...

Гардовскій. (*Ксензу*).

Яви жь усердіе свое!

Ксензъ.

Страшись иль нѣтъ, я кончу дѣло.
(*Тихо*).
Теперь ты мой, — и все мое!
Осталось бросить въ землю тѣло.
(*Входитъ Ташкинъ. Михаль поддерживаетъ голову Гардовскаго; Ксензъ приближается къ нему и подаетъ лекарство.*)
Врачуй земнымъ лекарствомъ плоть,
Будь твердъ и вѣруй въ исцѣленье,

Но если нѣтъ — тебѣ Господь
Сей Чашей обѣщалъ спасенье...

Ташкинъ (*Гардовскому*).

Ее пріемли безъ тревогъ,
Я не нарушу покаянья.
Гардовскій!.... покараетъ Богъ
Обманъ, — не избѣжимъ свиданья!....
Воспомни, Ксензъ, ужасенъ адъ,
Его не протекаютъ муки...
(*Уходитъ*.)

Ксензъ, (*озираясь*).

Ушелъ?... жжетъ... жжетъ... (*Бросаетъ стклянку и ложку съ лекарствомъ*.)
Мнѣ сводитъ руки....
Въ нихъ ядъ проникнулъ...: нѣтъ, не ядъ!
Клянусь, не ядъ... Что жъ за уловку?
Хитрѣй провесть не знаю льзя ль!
Прощай, я боленъ весь... (*Уходитъ*).

Гардовскій.

Михаль!

Куда?

Михаль.

Попробовать винтовку.

»Ужель то дерзостный обманъ,
Законовъ церкви оскорбленье?
Какъ на такое преступленье
Рѣшились—Ксензъ и низкій Панъ?
Ужель коварствомъ безпримѣрнымъ
Не возмутились ихъ сердца?«
Такъ мыслилъ Ташкинъ, шагомъ вѣрнымъ
Пустя сквозь темный лѣсъ Донца.
Вдругъ громкій выстрѣлъ; слышны крики
И вскорѣ судорожный стонъ.
За нимъ раздался хохотъ дикій,
И снова миръ со всѣхъ сторонъ....
Лишь коршунъ, смерти стражъ кры-
латый,
Почуя близкій пиръ костей,

Затрепеталъ въ глуши вѣтвей,
Взвился и, каркнувши трикраты,
Низвергся молніи быстрѣй!

ГЛАВА X.

Толки.

Такъ разсуждать они пустилися въ двоемъ
О всякой всячинѣ . . . . .

Крыловъ.

»Гей, люди! живо, самоваръ!«
Кричалъ знакомый нашъ гусаръ,
Возставъ отъ сна послѣ обѣда.
За нимъ проснулся и Поэтъ;
Вмигъ оживилася бесѣда,
И Ташкину прочтенъ куплетъ
На счетъ несбывшейся дуэли.
Еще Аркадій одаль спалъ
И бредомъ сонъ перерывалъ.
Межъ тѣмъ стаканы зазвенѣли,
Благоухаетъ Маюконъ;
Блеснулъ Ямайскій ромъ въ графинѣ,
И вотъ съ душистымъ чаемъ онъ
Уже играетъ въ половинѣ,

А въ ссылкѣ сливки и лимонъ.
Придвинувъ стулья къ самовару,
Спѣшатъ пріятели зажечь
Одинъ тобакъ, другой сигару,
И вотъ о чемъ заводятъ рѣчь:

Ташкинъ.

Желалъ бы знать я, что творится
У насъ, на берегахъ Невы?

Поэтъ.

Какъ и всегда, все суетится
Для блеска и пустой молвы;
Все такъ же рядятся дѣвицы,
Отцы даютъ дома въ залогъ,
А матушки румянятъ лицы
Да вносятъ сплетни въ каталогъ;
Съ мужьями розно рыщутъ жены,
Гуляютъ до свѣту мужья;
У вдовъ живутъ компаніоны,
Вербуютъ богачей въ зятья;
Сынки мотаютъ на бездѣлье,
Актрисы копятъ капиталъ...

Ну словомъ, тамъ—какъ свѣтъ назвалъ—
Идетъ столичное веселье.

Ташкинъ.

Давно ль ты принялся писать
Сатиры злыя на столицу?
Давно ли пересталъ страдать?...
Я помню томную дѣвицу,
Черноволосую... Дивлюсь,
Что не вздыхаешь....

Поэтъ.

Объ Еленѣ?
Ахъ, другъ мой! въ наши лѣта вкусъ
Подверженъ сильной перемѣнѣ.
Любить одну!.. Да что за цѣль
Любить? сй-ей! умрешь со скуки;
Вздыхать, когда пойдешь въ постель,
Да жать легонько въ танцахъ руки —
И только... ужъ другой въ чуму
Попалъ — идетъ Елена въ моду.
Герой, по слову одному,
Всегда готовъ въ огонь и въ воду.

И вотъ какъ надо обожать!
Ты знаешь, кто?

Ташкинъ.

Еще бъ не знать!
И что не женится Ирановъ?

Поэтъ.

Да кто пойдетъ за бѣдняка?

Ташкинъ.

Вѣдь онъ изъ первыхъ Капитановъ,
А развѣ не дадутъ полка?
Онъ будетъ все имѣть, безспорно,
Чудесно будетъ награжденъ...

Поэтъ.

Не вѣрю, братъ, — не гнется онъ,
А счастье гордымъ не покорно.
Поклоны — вотъ что любитъ свѣтъ!
И молвить можно, хоть краснѣя,
Опаснѣй зла въ подлунной нѣтъ —
Когда не можетъ гнуться шея...
Да вотъ, пожалуй, и куплетъ:

(*Поётъ.*)

Пролазъ къ вельможѣ вперся въ домъ,
Его согнулась быстро шея,
Предъ всѣми сталъ онъ стукать лбомъ
И началъ съ перваго лакея.
Пролазу счастье повезло!
Спасибо шеѣ: взялъ все ею;
Она свихнулась — что жъ за зло? —
За то онъ въ милостяхъ по шею.

Какой смѣшной чудакъ Дамонъ —
Не можетъ поддакнуть вельможѣ!
Тотъ хвалитъ что ни будь, а онъ
Кричитъ: ни на что не похоже!
Дамона стали знать на зло.
Онъ только вздумалъ быть смѣлѣе;
Глядишь, — анъ съ шеи не сошло,
Его — ну только не по шеѣ!...

Ташкинъ.

Каковъ походный нашъ пѣвецъ!
Ну, милый, просто — молодецъ!
И сталъ въ тупикъ мой умъ гусарскій.
Аркадій, слушай, Делаварскій!
Вставай.... что, болѣнъ ты?

Аркадій.

Я слабъ —

И мнѣ досадно пѣнье ваше.

Ташкинъ.

Онъ злится на веселье наше!

Давно ль присталъ къ причудамъ бабъ?

Вставай сей часъ, — а то водою!

Ворчитъ! — И вовсе не къ лицу....

Поэтъ.

Поди, не хочешь ли ромцу? —

Авось хандра пройдетъ съ тобою.

Аркадій.

Три раза сряду милый сонъ!

Три раза мнѣ она являлась

И цѣловала, и ласкалась....

Скрываться поздно, я влюбленъ,

Какъ только смертный вынесть можетъ!

Весь умъ слился въ мечту объ ней;

Какой-то ядъ мнѣ сердце гложетъ;

Бунтуетъ страсть въ груди моей

И нѣтъ душѣ успокоенья!

Ташкинъ.

Эхъ полно! вѣрь мнѣ, всѣ мученья
Пройдутъ, какъ пѣна на винѣ.

Поэтъ.

И такъ же скоро.

Ташкинъ.

Безъ сомнѣнья.
И до любви ли на войнѣ!
Тутъ часто радъ сухой соломѣ!....
(*Поэту*)
Что есть жена, скажи ка мнѣ?

Поэтъ.

Жена? — Живая мебель въ домѣ.

Ташкинъ.

Вотъ у него учись судить,
Аркадій!

Аркадій. (*По размышленіи*).

Рѣшено, я ѣду.

Ташкинъ.

Назадъ?

Аркадій.

Да.

Поэтъ.

Твердымъ должно быть.
Коль нѣтъ надежды на побѣду, —
Не медли вовсе отступить,

ГЛАВА XI.

Объясненіе.

Тебѣ фортуна благодѣетъ . . .
Не вѣрь, она готовитъ ковъ.
Жуковскій.

Въ раздумьи тяжкомъ о быломъ,
Сидѣла, молча, подъ окономъ
Голубоокая Теара.
Скатилось солнце за лѣса —
И загорѣлись небеса
Багровымъ заревомъ пожара;
Въ поля вечерній сумракъ палъ;
Дневная стихнула тревога
И міръ, усталый, задремалъ,
Какъ въ колыбели, въ длани Бога.
Слился съ поляной дальный путь,
Куда умчался гость прелестный;
Свинцемъ тяжелымъ пала въ грудь
Тоска къ Теарѣ; сердцу тѣсно;

Колебля юный умъ, мечты
Знакомый образъ начертали...
Она, сей ангелъ красоты,
Стыдясь, бѣжитъ своей печали...
Клавишъ касаются персты, —
И подъ рукою бѣлоснѣжной
Родился звукъ протяжный, нѣжный
Какъ первая любовь — и въ слѣдъ,
Изъ устъ, изъ сердца милой дѣвы
Невольно вырвались напѣвы,
Въ душѣ оставя бурный слѣдъ:

Романсъ.

Гдѣ ты, минутный посѣтитель,
Чьи въ сердцѣ врѣзаны черты,
Кто возмутилъ мою обитель
Чудеснымъ блескомъ красоты,
Гдѣ ты?
Гдѣ ты, кто будто сновидѣнье,
Слетѣлъ внезапно съ высоты,
И вкругъ меня, лишь на мгновенье,
Разсыпалъ счастія цвѣты,
Гдѣ ты?

Замолкло страстной дѣвы пѣнье;
Но все въ ея воображеньѣ
Роились сладкія мечты;
Отъ вздоховъ перси трепетали,
Съ рѣсницъ алмазы упадали,
Уста шептали все: гдѣ ты?
Тогда неслышимо, незримо
Аркадій въ комнату вступилъ;
И вдругъ какъ громомъ поразилъ
Его предметъ боготворимый:
Онъ видитъ слезы . . . А, друзья,
По опыту дознался я,
Что слезы миленькой кокетки
Какъ ядъ — остры, какъ стрѣлы — мѣтки,
Отъ нихъ мужчины жди чумы!
Какъ оскорбили бъ насъ ни больно —
Но женской ужъ слезы довольно,
Чтобъ виноваты были мы,
Чтобъ правый гнѣвъ въ груди скончался,
Чтобъ ревность стихнула въ крови,
А здѣсь Аркадій повстрѣчался

Съ слезами истинной любви!
Ему казалось, Ангелъ чистый
Надъ грѣшницей землей рыдалъ
И въ каждой каплѣ серебристой
Елей блаженства низпадалъ.
Влюбленный, молча, трепеталъ....
Огнемъ небеснымъ распаленный,
Хотѣлъ онъ пасть, лобзать колѣны..:
Но мысль, что дѣва, можетъ быть,
Не имъ страстна, не имъ вздыхала,
Его какъ въ цѣпи заковала;
Онъ пересталъ минуту жить, —
И встрѣтилъ грустный взглядъ пѣвицы.
Она вздрогнула... Яркій цвѣтъ,
Подобье розовой денницы,
Ланитъ пуховыхъ — былъ привѣтъ
И опущенныя рѣсницы.
Нѣмая сцена: нѣжный взоръ
Со взоромъ встрѣтиться не смѣетъ;
Она трепещетъ; онъ робѣетъ...
И вотъ ихъ тайный разговоръ:

Аркадій.

Какъ счастливъ онъ, предметъ мечтанья!
Гдѣ ты?—Вы пѣли; кто же онъ?
Кто къ вамъ слетѣлъ, какъ сладкій сонъ?
Могу ль надѣяться признанья?

Теара.

Аркадій!..«
Слезы, тяжкій вздохъ —
Открыли ясно сердца муки.
Любовникъ пламенный у ногъ;
Ужъ онъ лобзаетъ жадно руки;
Ужъ дѣву жметъ къ груди своей.
Съ какимъ онъ жаромъ шепчетъ ей:
»Теара, ты моя! еще ли
Творецъ сулитъ мнѣ будетъ рай? —
Ужъ я достигнулъ райской доли.
Всемилосердый Боже! дай
Перенести порывъ блаженства!
Какъ сильно кровь во мнѣ кипитъ,
Когда сей ангелъ совершенства
Съ любовью въ очи мнѣ глядитъ!

Теара! преклони колѣна,
Дай руку — и молись со мной.

Теара.

Благодарю Творца — ты мой!

Аркадій.

Твой, твой до гроба, безъ измѣны.
Теара, свѣтелъ Божій міръ!
Я проклиналъ судьбу напрасно,
Она дала душѣ кумиръ, —
Дала тебя, мой другъ прекрасный!
Забылъ я муки прежнихъ дней;
Забыто горе, козни свѣта!
И, мнится, жизнь въ груди моей
Твоею жизнію согрѣта!
Казалось, поцѣлуй съ тобой
Насъ слилъ въ одно существованье!
Мнѣ будетъ волею святой
Твое единое желанье;
Тобой мнѣ сильно доказалъ
Небесный Царь свое всевластье:
Къ твоимъ онъ взорамъ приковалъ

Мое воскреснувшее счастье.
Я безъ родителей скучалъ, —
Благословляю ихъ потерю!
Тогда бъ, прелестный другъ, не вѣрю,
Чтобъ сердца я не раздѣлялъ
Между тобой и между ними;
Тогда бъ любовь я оскорбилъ,
Быть можетъ, чувствами святыми.
Теперь весь твой; и ни на часъ
Не разлучусь съ тобой мечтами.
Пусть пеленаетъ счастье насъ
Своими пышными цвѣтами!
Пусть будетъ цѣлый вѣкъ — восторгъ
И цѣпь небесныхъ наслажденій;
Пускай суровый смерти геній
Меня найдетъ у этихъ ногъ
И съ тою жъ клятвой, съ тѣмъ же жаромъ
И съ тѣмъ же пламенемъ въ очахъ!
И пусть косы его размахъ
Сражаетъ насъ однимъ ударомъ,
Чтобъ въ жизни ни тебѣ, ни мнѣ

Не вѣдать слезъ, не знать разлуки.
Да свяжетъ клятва наши руки —
И я блаженствую вполнѣ!

Теара.

Какъ ты постигъ, какъ разгадалъ,
Чего душа моя желала!
Какъ сильно ты пересказалъ
Все то, что я бъ тебѣ сказала!
Аркадій! сердцемъ я твоя;
Но я рукѣ назначу цѣну:
Сними свой мечъ — и вотъ въ замѣну
Тебѣ на вѣкъ рука моя.
Забудь вражду — Поляки правы;
Ты не сражайся противъ нихъ!
И мнѣ не надо лучшей славы, —
Когда, въ объятіяхъ своихъ,
Хоть одного обезоружу.
Останься здѣсь, молю, будь мой!
И я, повѣрь, не обнаружу
Тебя предъ Русскими....

Аркадій.

Пустой
Надеждой сильно я прельстился;
Но вижу пропасть подъ собой —
И счастья свѣтъ на вѣкъ затмился!
Ты посягнуть на честь могла?
Ужъ лучше бъ жизни ты просила —
И руку мнѣ въ замѣнъ дала!
Иль ты, жестокая, забыла —
Что Русскій сердцемъ и душей
Теперь бесѣдуетъ съ тобой;
Что онъ за блага всей вселенной,
И даже за любовь твою
Не выдастъ родину свою,
Не прогнѣвитъ Царя измѣной!
Но тщетно рѣчи расточать
Передъ тобой, передъ детею!
Крестясь, цѣлую рукоять!
Я пренебрегъ твоей рукою, —
Теперь ты можешь продолжать.

Теара.

Такъ! я дитя; но въ дѣтской груди
Любовь къ отечеству кипитъ,
И про меня не скажутъ люди:
„Она лишь землю тяготитъ!“
Ты овладѣлъ, къ несчастью, мною;
Но врагъ отечества — мой врагъ,
Ему я жертвую тобою!
Повѣрь, мнѣ ни одинъ Полякъ
Не можетъ сдѣлать укоризны: —
Все, все, что только я могла,
Давно ужъ въ жертву принесла
Для славы Польши, для отчизны.
Я принесла на жертву ей:
Роскошные дары полей,
Стада, подвалы вѣковые
И ожерелья дорогія!
И мной въ Варшаву, наконецъ,
Отосланъ не одинъ ларецъ,
Исполненный сребра и злата!
Я въ жертву принесла войнѣ:

Покой души, отца и брата.
И если бъ нужно было мнѣ
Самой съ пуховаго дивана
Переселиться на коня, —
Кто бъ удержалъ тогда меня?
Примѣръ мнѣ — дѣва Орлеана.
Явлюся средь роднаго стана —
И кто не бросится за мной,
Когда на битву, съ Поляками,
Рожденная владѣть иглой, —
Пойдетъ съ оружьемъ предъ рядами?

Аркадій.

Твоя душа, какъ воскъ, мягка,
А ею правитъ вождь опасный.
Не довѣряй! — Его рука
Ведя тебя къ бѣдѣ ужасной,
Мечтой несбыточной манитъ.
Кто бъ ни былъ онъ — его не знаю —
Но онъ злодѣй. Я предрекаю,
Удѣлъ твой будетъ—смерть и стыдъ!
Пылаешь ты враждой къ Россіи,

Къ чему и на какой конецъ? —
Скажи, ужели мы чужіи
И не одинъ у насъ Отецъ?
За что жъ поссорилися дѣти?
Краснѣй за Польшу — вѣченъ срамъ!
Какъ ты, весь край попался въ сѣти;
Но все возможно Полякамъ . . . .
И родины твоей предѣлы
Я бъ огненной рѣкой обвелъ,
Чтобъ родъ, въ измѣнахъ закоснѣлый,
За эту грань не перешелъ;
Пусть онъ, подъ грудой пепла тлѣя,
Питаетъ буйныя мечты,
О крови ближнихъ не жалѣя . . . .

ТЕАРА.

Ужель и я?

АРКАДІЙ.

И ты, и ты . . . .
Бѣгу, прости, что сердцу мило!
Ахъ, злополучное, оно
Не для одной любви дано —
Оно *Отца* не позабыло.

ГЛАВА XII.

Корчма.

....Куда меня забросила судьба?

Грибоѣдовъ.

Въ корчмѣ Жидовской, на столѣ,
Пылаетъ смрадная лампада,
И тускло свѣтится въ стеклѣ,
Толпы пирующей услада,
Спасенье отъ холеры злой —
Настой полынный, спиртовой.
Вокругъ него сидятъ гуляки,
Кто на скамьѣ, кто на полу;
Бока натерли имъ биваки,
Всѣ рады теплому углу.
Жестянка ходитъ по столу;
Рахиль нацѣживаетъ пиво;
Израиль мѣломъ на стѣнѣ
Свой щепикъ мѣтитъ молчаливо;
Храпитъ Жиденокъ въ сторонѣ,

Накрытый смрадною периной;
Вблизи, съ почтительностью чинной,
Лежитъ, какъ стражи сонной рядъ,
Запасъ барановъ и телятъ.
Но вотъ, шумя, встаетъ бесѣда;
Настойка мигомъ налита;
Высоко чарка поднята;
Всѣ закричали: »намъ побѣда—
Москалямъ гибель и позоръ!«
Тутъ прогремѣлъ любимый хоръ:
»*Еще Польска не сгинела,*
Кеды мы жiемы!«
И снова начатъ разговоръ.

Академикъ.

Прославимъ мы согласнымъ кликомъ
Часы свободы золотой,
И налетимъ, въ весельи дикомъ,
На притѣснителей толпой!
Уже стекаются, какъ тучи,
Обиды мстители въ ряды,
Какъ громъ, разитъ ихъ мечъ могучій

И Русскихъ трупы — ихъ слѣды!
Вы всѣ охотно промѣняли
На славу бранную покой;
Одушевленные войной,
Съ презрѣньемъ плуги побросали.
Нѣтъ ружей съ вами — косы взяли,
И ими справится Полякъ!
Не такъ ли, нашъ товарищъ милый,
Скажи, Дашкевичь?

Кракусъ.

Нѣтъ, не такъ!
Меня въ солдаты взяли силой.
Мой Панъ со мною былъ суровъ:
Призвалъ меня — и, безъ привѣта,
Влѣпилъ полсотни *бизуновъ* (*).
Потомъ потребовалъ отвѣта;
И я сказалъ, что я готовъ!
Велѣлъ мнѣ клясться онъ, проклятый,
Обшилъ кафтанъ мой въ галуны —

(*) Кнутьевъ.

И я солдатъ! — Но жаль мнѣ хаты
И молодой своей жены.

АКАДЕМИКЪ.

Ты через-чуръ хлебнулъ настою.
Жаль хаты, да жены — чудакъ!
(*Кассіонеру*)
Вотъ ты, такъ бредилъ, чай, войною?
Тебя не гнали плетью къ бою,
Не по его, братъ?

КАССІОНЕРЪ.

Да, не такъ:
Меня связали, какъ къ допросу,
Да пистолетъ уперли въ лобъ;
Я думалъ: лучше въ бой, чѣмъ въ гробъ—
Рѣшился. — Дали въ руки косу,
И вотъ отправили съ тобой.
Ты мнѣ твердишь о нашей славѣ,
А, кажется, совсѣмъ не то....
Все вздоръ; и драться намъ на что?

АКАДЕМИКЪ.

Дай срокъ, увидишь самъ въ Варшавѣ:

Сто Генераловъ въ плѣнъ взято!

(*Юнкеру.*)

А вы, съ ружьемъ, конечно волей?

ЮНКЕРЪ.

Да, мнѣ соскучилося въ Школѣ
Зѣвать надъ грифельной доской;
Меня свободой подстрекнули,
Мечтами сердце разожгли;
И я былъ радъ, что принесли,
На мѣсто черствыхъ булокъ, — пули.

ФРАНЦУЗСКІЙ ВОЛОНТЕРЪ.

Fy donc! по моему, мятежъ
Не что иное, какъ забава;
Худая ль, добрая ли слава,
Права другія, или тѣ жъ
Потомъ настанутъ — что за дѣло!
Людей бездѣйствіе томитъ;
Тотъ просто глупъ, кто не шумитъ;
Дерись, пока не надоѣло!
Какой спектакль для всѣхъ державъ:
Рѣзня, законовъ перемѣны,

Примѣры мужества, измѣны...
Судите строго — и я правъ:
Быть скромнымъ — въ глупости со-
знаться.
Отъ мирной жизни я бѣжалъ —
И отъ души готовъ обняться
Съ любымъ, кто только либералъ!

АКАДЕМИКЪ (*молодому офи-
церу*).

Вы намъ скажите ваше мнѣнье!
Вашъ взоръ меня очаровалъ;
Я прочиталъ въ немъ къ славѣ рвенье.
Не правъ ли я?

ОФИЦЕРЪ.

Смѣшной вопросъ!
Мнѣ рокъ иной былъ данъ судьбою;
Но гласъ отчизны перенесъ
Сюда, гдѣ дышитъ все войною.
Въ изгибы сердца мнѣ проникъ
Призывъ ко славѣ и свободѣ.
Возсталъ упавшій духъ въ народѣ!

Мой край родной отъ сна возникъ,
Чтобъ раздробить свои оковы.
Пускай все дышущее въ немъ
Идетъ на пиръ мечей суровый
Съ косой, кинжаломъ и ножемъ,
Чѣмъ только поразить возможно!
Тогда, клянуся вамъ, не ложно
Свободы свѣточь намъ блеснулъ —
Нашъ край до цѣли досягнулъ!

Академикъ.

Мой братъ по сердцу! пей за славу
Своей отчизны дорогой!
Не пьешь?

Офицеръ.

Мнѣ вредно.

Академикъ.

Дай съ тобой
Поцѣловаться мнѣ, по праву
Священной дружбы! Ты бѣжишь
Моихъ объятій? дай мнѣ руку,
Ты мнѣ пожатьемъ усладишь

Съ моими ближними разлуку.
Какая жизнь въ твоихъ перстахъ!
Но что? на нихъ горятъ алмазы!
Стыдишься ты... слеза въ очахъ...
Любовь?... Страшись ея заразы!
Ты юнъ, блестящъ какъ божество,
Ты самъ достоинъ поклоненій,
Предъ кѣмъ склонять тебѣ колѣни?
Тебѣ на долю торжество!
Почто жъ, краснѣя, ты вздыхаешь?
Какъ странно поднялася грудь...
Раскрой мнѣ сердце—и не будь
Со мной застѣнчивъ — ты страдаешь?

Офицеръ.

Страдаю... (*опомнясь*) только... головой,
Не сердцемъ — воздухъ здѣсь гнилой...
Меня жъ воспитывала нѣга,
На ложѣ убранномъ парчей;
Покровъ мой былъ бѣлѣе снѣга;
Цвѣли ясмины надо мной,
Во тьмѣ ночей благоухая;

И не привыкла грудь младая
Къ моей одеждѣ боевой.

Израиль (*кричитъ*).

Гавалдъ! Козацы... (*)

Академикъ, (*Прислушиваясь*).

Топотъ съ поля...
Друзья — нѣтъ плѣна!... Всѣ за мной!

(*Израиль, Академикъ и Французскій Волонтеръ убѣгаютъ, прочіе остаются неподвижными.*)

Офицеръ. (*становясь на колѣни.*)

Я гибну — неизбѣжна доля...
Небесный Царь! тронись мольбой,
Не дай ругаться сиротой!
Вели, — и сильные какъ классы

(*) По жидовски: гевалдъ — бѣда! Польскіе Жиды, большею частію, говорятъ по-Русски и по-Польски очень дурно и весьма схоже, а по сему я и допустилъ здѣсь ломаный языкъ.

Предъ слабой дѣвою падутъ . . .

(Израиль вбѣгаетъ — и всѣ, падая на колѣни, кричатъ).

Змилуйсь! пардонъ!

ИЗРАИЛЬ.

Не бойтезь, насы!

Прочь зъ хапы, заразъ бензе тутъ

Наияснѣйсій панъ Гардовскій.

ТЕАРА.

Гардовскій . . . Боже! . . . слушай, Жидъ . . .

ИЗРАИЛЬ.

Нѣ часу — недосугъ цертовскій.

ТЕАРА *(показывая на боковыя двери).*

Что тутъ?

ИЗРАИЛЬ.

Моя Ревекка зпитъ.

ТЕАРА.

Впусти меня!

ИЗРАИЛЬ

Не мозно.

Теара

Плату

Тебѣ неслыханную дамъ, —

Впусти!

Израиль.

Не мозно.

Теара.

Дай мнѣ хату

Особую!

Израиль (*хочетъ уйдти*).

Мнѣ цасъ къ Панамъ.

Теара, (*удержавъ его*).

Впусти жъ!

Израиль.

Не мозно, и не мозно!

Теара.

Вотъ кошелекъ — иль будетъ поздно...

Бери дукаты — и рѣшись!

Не то, проклятый, берегись —

Остеръ кинжалъ мой...

Израиль, (*оглядя червонцы*).

Мозно, мозно.

(*Отворя Теаръ боковыя двери*)

Замкни зъ . . .

Теара, (*уходя*).

Смотри жъ ты, ни ногой!

Израиль.

Ходзь прензе, цурка барзо ладна (*).

Гардовскій (*входя съ Михалемъ и Вахмистромъ*).

Михаль, палата не парадна!

Михаль.

Ужъ весь Жидовскій родъ такой, —
Живутъ въ болотѣ, словно черти.

Гардовскій.

Пусть ихъ—не вѣкъ здѣсь вѣковать!
Покоя мигъ — и вновь искать
Идемъ Теары, или смерти.

(*Вахмистру*)

Вели развьючить лошадей;

(*) Входи скорѣе, дочь очень хороша.

Пусть разведутъ огни для каши;
Дай всѣмъ покой, кругомъ все наши —
Мы безопасны. (*Михалю*) Ты скорѣй
Приди сюда; мнѣ грустно что-то,
Сосетъ мнѣ сердце, какъ змѣя,
Любовь.. и вмѣстѣ—страхъ, забота....
Брось тутъ соломы, лягу я....
Придя, ложись со мною рядомъ!

(*Михаль и Вахмистръ уходятъ*).

Михаль! ушелъ... когда бъ я могъ
Насытиться прелестнымъ взглядомъ!
Или, хоть слѣдъ прелестныхъ ногъ
Облобызать... Нѣтъ, нѣтъ! не любитъ
Она, рѣшилась презирать...
Я ей противенъ. Будемъ ждать,
Ребенокъ! кто кого погубитъ,
Кому надъ кѣмъ торжествовать!

Теара (*прислушиваясь, въ своей комнатѣ*).

Онъ что-то шепчетъ.... онъ затихъ...
Благодарю, всещедрый Боже!

Отвелъ ты сонмъ напастей злыхъ...
(*Смотритъ на спящую Ревекку.*)
Какъ безмятежно это ложе!
Ни что не возмущаетъ сна!
Озарена улыбкой ясной,
Вполнѣ покоится она;
Нѣтъ бурь въ душѣ ея прекрасной;
Въ невинномъ сердцѣ тишина;
Дыханье ровно; о, Ревекка!
Какъ мнѣ завиденъ этотъ сонъ!
Какъ безъ сравненья выше онъ
Всѣхъ благъ сей жизни человѣка!...
Тоска и боль въ груди моей;
На ней, какъ тяжкія оковы,
Гнетя, лежитъ нарядъ суровый.
(*Разстегиваетъ мундиръ.*)
Какія полосы по ней....
И вотъ пробилась кровь мѣстами!.
Мужайся слабая душа,
Отчизны славою дыша, —
Твой вздохъ услышанъ небесами!

Я ожила! . . . и надо мной
Простеръ крылѣ свои покой . . . .
Мечта разсталася съ заботой,
Тревога въ сердцѣ замерла,
Глаза смыкаются дремотой . . .
Мой край родной! я ожила . . .

(Завертывается въ плащъ и вскоръ засыпаетъ).

РЕВЕККА, *(пробудясь).*

Свѣтло и тихо — что за чудо?
А ужъ давно настала ночь.
Да гдѣ же мать моя? знать худо —
Ушла, одну покинувъ дочь!
Не даромъ снился кладъ огромный . .
Ты, Іозель? . . . встань, поди ко мнѣ ! . .
(Подходя къ Теаръ).
Полякъ. . . Со мной на единѣ! . .
Военный . . . Ахъ какой онъ скромный!
Дверь заперта ! . . Какъ все понять?

(Отворя двери въ корчму).

Кто тутъ?

Михаль.

Жидовочка — какъ мило!...

(*Схватываетъ ее.*)

Ревекка.

Ай!

Михаль. (*Зажимая ей ротъ.*)

Тсъ! тише, глупая, молчать!
Не бойсь, не поцѣлую силой...

Ревекка.

Ахъ, гдѣ отецъ мой, мать?

Михаль.

Всѣ спятъ.

(*Цѣлуетъ ее.*)
Что за губенки!... какъ я радъ!
Ты мнѣ теперь дороже клада...
Постой, мѣшаетъ намъ лампада...

(*Гаситъ лампаду.*)

Ревекка.

Ай, ай! гевалдъ!...

Гардовскій, (*вскакивая*).

Кто здѣсь? Михаль!

Михаль.

Да вотъ сюда, на счастье ваше,
Влетѣла птичка — и едваль
Ея Людвига наша краше!
Ее оставить право жаль:
Все прелесть — глазки, губки, лѣта....

(*Ведетъ ее къ свѣту*).

Гардовскій, (*увидя спящую Теару*).

Кто это спитъ?

Ревекка

Военный, вашъ ..

Гардовскій.

Твоей постели, до разсвѣта,
Безсмѣнный и надежный стражъ?..“

Вотъ онъ идетъ, едва ступая;
Уже Теары онъ достигъ;
Взглянулъ — Жидовка молодая
И цѣлый міръ — забыты въ мигъ.

Онъ каменѣетъ, рдѣютъ щеки;
Глаза, какъ угли, раскалены;
Зашевелилися пороки
На днѣ сердечной глубины.
Надъ слабой жертвой цѣпенѣя,
Какъ ядовитая змѣя,
Онъ медлитъ; замеръ духъ злодѣя...
Языкъ лепечетъ: »Ты моя!
Посмотримъ, что отвѣтишь мнѣ ты,
И будешь ли горда теперь?
Михаль! подай мнѣ пистолеты,
Заколоти кинжаломъ дверь!«
Михаль подслушалъ:—крикъ испуга,
Потомъ, сквозь шепотъ, имена —
Любви, отчаянья и друга....
Его душа поражена;
Онъ онѣмѣлъ — и сталъ вниманье:
Вотъ щелкнулъ два раза курокъ —
И снова мертвое молчанье!..
Вотъ—легкій шорохъ... злой упрекъ...
Призывъ Творца, моленье, слезы

И крикъ, прервавшій разговоръ:
»Гардовскій, извергъ! безъ угрозы
Стрѣляй — могила не позоръ!—
Но трепещи небесной Кары....«

Вахмистръ, (*вбѣгая*).

Бѣда! погибли! Гдѣ Маіоръ? —
Насъ рѣжутъ Русскіе гусары...

ГЛАВА XIII.

Весна на Бугѣ

Увы! и красный Божій міръ,
И жизнь ему постылы.
Жуковскій.

Свѣтило полудня, какъ шаръ золотой,
Въ лучахъ благотворныхъ горитъ надъ землей;
Природа явилась въ зеленой порфирѣ,
Изъ розъ благовонныхъ надѣла вѣнецъ.
Все жизнію новой красуется въ мірѣ!
Безумолку свищетъ дубравный пѣвецъ,
Чаруя окрестность мелодіей чудной;
Луга засмѣялись; сребрится потокъ;
И рѣзвый, долины жилецъ, мотылекъ
Кружится въ эѳирѣ, какъ листъ изумрудный.

Не улыбнулся онъ веснѣ,
Поклонникъ страсти безнадежной!
Съ тоской любви, безъ дружбы нѣжной,

Аркадій мучился вполнѣ.
Одинъ сидя на брегѣ Буга,
Съ какой онъ жаждою желалъ
Обнять любовницу, иль друга!
Онъ въ тайнѣ слезы проливалъ;
Но вмѣсто дружняго призванья —
Тревожилъ воздухъ пули свистъ,
И трепеталъ весенній листъ —
На мѣсто персей трепетанья.
А, между тѣмъ, вокругъ съ стремнинъ
Неслись воинственные клики, —
Пришелъ безсмѣнный стражъ владыки
Пришелъ Россіи мощный сынъ,
(Ведомый дланью Михаила),
Надъ чьей торжественной главой
Подъ Кульмомъ слава воспарила
Непогасаемой звѣздой;
Кто льва грознѣй, смиренъ какъ дѣва,
И кто могучъ, какъ полу-богъ.
Теперь страшилищемъ онъ легъ,
Сь утесовъ Нура до Нарева,

Подвергшись тягостнымъ трудамъ,
Предтекшимъ бранному веселью:
Болота сдѣлались постелью,
А кровы — снѣдію конямъ. (*)
Солдатъ на мигъ не зналъ покоя;
Въ полдневный жаръ и въ хладъ ночной,
Какъ неизмѣнный часовой,
Онъ выжидалъ минуты боя;
Гнела усталость молодца!
И все молчалъ перунъ сраженій!
Безвѣстность, медленность движеній
Томили храбрыя сердца.
Какъ вдругъ небесной пытки мѣра
Предѣлъ терпѣнья перешла:
Въ рядахъ страшилищемъ пошла
Огневолосая холера.
Тогда ярмо нежданныхъ золъ
Дѣлить съ участіемъ пришелъ

(*) Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, лошади пѣхотныхъ офицеровъ кормились одною почернѣвшею соломою съ крышъ, оставленныхъ жителями, хижинъ.

Великодушный брать Владыки;
Войскамъ явя примѣръ собой,
Онъ пребылъ веселъ подъ грозой —
Не возмутился духъ великій!
Съ Его высокаго чела,
Какъ лучъ денницы благотворной,
Улыбка въ войски перешла —
И обезсилѣлъ ядъ тлетворный.

Межъ тѣмъ мятежниковъ соборъ
Скржинецкій велъ желѣзной дланью:
Веревка, пуля и топоръ —
За ропотъ были скорой данью!
Онъ предалъ войско истязанью
Болѣзни, голоду, дождю,
Претя съ отчаяньемъ гигантскимъ
Порфиродному вождю
Соединиться съ Забалканскимъ.
И вдругъ, свирѣпыхъ волнъ быстрѣй,
Помчался онъ на пораженье —
Исчезли наши, какъ видѣнье,
А тылъ зардѣлся отъ огней:

Фельдмаршалъ грозно двинулъ строи
Враговъ отважныхъ по пятамъ.
Воскресли Русскіе герои —
Насталъ желанный пиръ штыкамъ!
И вскорѣ бичъ Стамбула руку
Царя хранителямъ пожалъ,
И съ ними долгую разлуку
Кровавой прёй запировалъ.

ГЛАВА XIV.

Остроленскій бой.

Представь послѣдній день природы:
Что пролилася звѣздъ рѣка.
Державинъ.

Съ полей бѣжитъ ночная тѣнь,
Дымятся хладные туманы,
Взошелъ на холмы новый день.
Свѣтило дня, какъ щитъ багряный,
Возстало съ огненной рѣки.
Сверкаютъ сабли и штыки;
Пустѣютъ шумные биваки.
Страшнѣе тучи громовой,
Герои двинулись на бой
И каждый жаждетъ смертной драки.
Усталость бросивъ у костра,
Воскреснулъ воинъ передъ битвой;
Онъ, — освѣжа уста молитвой
И крикомъ радостнымъ: ура!

Идетъ на смерть, не зная страха;
Его могучая рука
Не посрамитъ во вѣкъ штыка, —
Не дастъ невѣрнаго размаха!

Вскипѣла битва. Лѣсъ и градъ (*)
Предъ мужествомъ Россіянъ пали!
Пылаютъ домы — но сквозь адъ
Они безстрашно пробѣжали
И спали подъ свинцовый градъ.

О воинъ Русскій, слава Трона,
Покой отечества и щитъ!
Твоимъ могуществомъ разбитъ
Кровавый тронъ Наполеона;
Еще младенцемъ, при Донскомъ,
Ты свергнулъ рабскія оковы;
Весь міръ Полтавскій слышалъ громъ,
Когда съ божественнымъ Петромъ
Ты пожиналъ лѣса лавровы;

(*) Остроленка.

Твой мечь какихъ не знаетъ странъ?
Стамбулъ, Кавказъ и Тагеранъ
Его ударовъ трепетали
И, ихъ постигнувъ наконецъ,
Тебѣ торжественный вѣнецъ
Рукой завистливой сплетали.

Чрезъ грудь широкую полей,
Чернѣе мрачной полуночи,
И вранова крыла чернѣй,
Ползетъ стоглавый, страшный змѣй,
Кого обнять не могутъ очи.
Тебя онъ, Русь, зоветъ на бой —
За то ль, что ты его согрѣла?
Подъ благотворной теплотой
Поспѣшно злая желчь созрѣла
На ядовитомъ языкѣ —
И пролилася въ грудь родную.
О Россъ! карай измѣну злую,
Карай — твой мечъ въ твоей рукѣ!

Отверзся адъ. Затрепетала
Земля. Покрылась дымомъ твердь.

Сраженныхъ стонъ и стонъ метадла —
И тамъ и здѣсь. Повсюду мѣдь
Рыгаетъ пламя. Всюду мертвый...
Чугунъ и кровь — дорога. Смерть,
Считая тысячами жертвы,
Изнемогаетъ. ... Наконецъ —
На грудахъ тѣлъ она возстала,
Надѣла изъ костей вѣнецъ
И въ радости захохотала.
Таковъ былъ мигъ, когда Герой, (*)
Сто-кратно славою покрытый,
Пошелъ привычною стопой
Свершить свой подвигъ знаменитый.
Герой, кого Наполеонъ
Познадъ при Бородинской сѣчѣ,
Чье имя носится далече....
Въ сей мигъ явился снова онъ:
Все тотъ же въ старцѣ духъ геройской!
Къ отчизнѣ вѣрностью горя,

(*) Генералъ-Адъютантъ Бистромъ.

Онъ смѣло именемъ Царя
Одушевляетъ къ битвѣ войско.
И вотъ уже, какъ Божій гнѣвъ,
Помчались строи за Наревъ —
Какая сила не земная!
Иль Ангелъ знамя ихъ понесъ?
Нѣтъ, — съ сонмѣ храбрыхъ роздалось
Святое имя Николая.

ГЛАВА XV.

Ночь, послѣ боя.

Какъ пальма смятая грозою,
Поникла юной головою!
Пушкинъ.

Сердито волны въ берегъ бьютъ.
Какъ стадо черныхъ врановъ, тучи
По небу сѣрому плывутъ;
Деревья клонитъ вѣтръ могучій,
Скрыпятъ свидѣтели вѣковъ,
Вцѣпясь въ зыбучій брегъ корнями;
Туманъ надъ высями холмовъ
Лежитъ, какъ саванъ надъ гробами;
Но вскорѣ ночи бурной мгла
И твердь, и землю залила
И озарилася кострами.

Какъ ненавистенъ видъ людей,
Какъ оскорбительно участье
Тому, кто затаилъ несчастье
Въ груди измученной своей!

Аркадій мраченъ. Ужасъ боя
Надъ нимъ безвредно пролетѣлъ;
Кляня жестокій свой удѣлъ,
Онъ чуждъ восторговъ и покоя!
Безъ цѣли, медленной стопой,
Отъ шумной, радостной бесѣды
Лихихъ участниковъ побѣды,
Идетъ онъ, молча, въ лѣсъ густой.
Мечта *ее* изображаетъ —
И сердце крѣпче жметъ тоска...
Но вотъ страдальца развлекаетъ
Веселый голосъ казака:

Казацкая пѣсня.

Вѣтеръ въ полѣ завываетъ,
Затопленъ дождемъ бивакъ;
Но усталости не знаетъ
Русской ухарской казакъ.

О теплѣ онъ не хлопочетъ
И заботъ съ нимъ въ полѣ нѣтъ;
Одного онъ только хочетъ:
Встрѣтить вражескій пикетъ.

И не разъ, какъ коршунъ дикой,
На враговъ я налеталъ,
И своей завѣтной пикой
Ребра Польскія считалъ!

Но одну я помню сѣчу,
Гдѣ нашъ храбрый эскадронъ,
Полетя врагамъ на встрѣчу,
Былъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ.

Я тогда рванулся къ бою,
Къ клятвѣ вѣрностью горя,
И ссадилъ своей рукою
Трехъ измѣнниковъ Царя.

На конѣ безстрашномъ, быстромъ
Я сквозь пламень пролетѣлъ —
И за то самъ храбрый Бистромъ
Мнѣ Георгія надѣлъ.

Надѣвая, троекратно
Онъ меня поцѣловалъ.
Въ этотъ мигъ, душѣ пріятный,
Самъ заплакалъ Генералъ —

И, среди лихой дружины,
Смѣлымъ вѣстникомъ добра,
Онъ, открывъ свои сѣдины,
Закричалъ Царю: Ура!

Помню этотъ день священный;
Долго помниться ему!
А за крестъ свой драгоцѣнный
Генеральства не возьму!

Слѣдя за голосомъ, глубоко
Ушелъ Аркадій въ темный боръ...
И вдругъ онъ слышитъ, не далеко,
Солдатскій грубый разговоръ:

1-й Солдатъ.

Ну что, ходилъ ты въ эту хату?

2-й солдатъ.

Ходилъ, да мало проку въ томъ!
Голо, братъ! Русскому солдату
Не поживиться щей горшкомъ.
Послѣ Поляковъ взятки гладки! —
Не много оставляютъ намъ,
Хоть утекаютъ безъ оглядки.

1-й солдатъ.

Да что жъ ворочался ты тамъ?

2-й солдатъ.

Землякъ, послушай! чудно что-то:

Тамъ былъ старикъ — и далъ стрѣчка. . .
Что ни толкуй, мнѣ Полячка
Подцапить смертная охота!
Я радъ божиться хоть, что онъ
Мошенникъ; просто — онъ шпіонъ;
Ихъ цѣлыя гуляютъ шайки.
Ужъ только бъ удалося мнѣ
Узоры вывесть на спинѣ,
Не осрамлю своей нагайки!

1-й солдатъ.

Ну, маршъ! — Пора и отдохнуть.

2-й солдатъ.

Еще тамъ раненый мальчишка,
Признаться, я хотѣлъ кольнуть,
Да страхъ не мудрый Полячишка.
И то ему не долго жить:
То поворотится, то охнетъ. . . .

1-й солдатъ.

Чортъ съ нимъ, пускай его издохнетъ.
Безмозглый, — вздумалъ Русскихъ бить!!

*

2-й солдатъ.

Вѣстимо, Богъ съ нимъ быть не можетъ!
Да и подумать-то грѣшно!
За то, братъ, какъ его корежитъ
Лукавый! — право пресмѣшно!
Кого-то кличетъ все... Постой-ка,
Какъ бишъ зовутъ... Да звали какъ
Попа, что славная настойка?...
Ты попадью тащилъ въ оврагъ,
Едва фельдфебеля не вздули...
Ну, помнишь?... Чуть мы улизнули!...

1-й Солдатъ.

Какъ-бишь его! — Аркадій?

2-й солдатъ.

Такъ.

Аркадій обмеръ. Тайной силой
Оледенѣла въ немъ вся кровь.
Ужели образъ дѣвы милой
Судьба ему покажетъ вновь?
Стремится—въ хатѣ душной темно...
Онъ жаждетъ слышать рѣчи звукъ;

Но все вокругъ его безмолвно...
Онъ робко ищетъ трупа... Вдругъ:
Старикъ, какъ вихорь одичалый,
Ворвавшись, смутный взоръ склонилъ
Къ страдальцу. Факелъ озарилъ
Вокругъ потоки крови алой...
Пришлецъ, глядитъ на блѣдный ликъ
Ослабѣвающей Теары;
Считая смертные удары,
Къ пронзенной груди онъ приникъ
И говоритъ: „Ужель забыла
Того, живетъ кто для тебя?
Я изнемогъ, убилъ себя...
А ты меня не полюбила!
Взгляни, узнай: передъ тобой
Гардовскій.“ Быстрою рукой
Сорвалъ онъ бороду сѣдую,
Усы, кудрей измятыхъ рядъ,
И звалъ страдалицу младую,
Открывъ воинственный нарядъ.

Аркадій молвилъ: »Время, время
Съ тобой, пріятель, кончить счетъ!
Ты клялся мстить — и клятвы бремя
Тебя, я думаю, гнететъ.

(*Подавая Гардовскому пистолетъ.*)

Бери любой — за пистолеты
Ручаюся — и все съ концомъ!
Одинъ пустой, другой съ свинцомъ...
Что смотришь,—нѣтъ на нихъ примѣты!.
Привыкнулъ что ли ты дрожать
Предъ смертью?...Странная манера!...
Прошу безъ промаха стрѣлять,
А трупъ Теары — наша мѣра.
Теперь одна мольба моя
Къ Тебѣ, Всещедрый, Вездѣсущій:
Прерви мой вѣкъ, меня гнетущій,
Пусть вмѣстѣ съ ней истлѣю я!
Стрѣляй!...Лѣвѣй, ты скверно взялся.
Сюда вотъ, въ сердце!...Трусъ! Смотри,
Какъ я... Ну!... Что жъ ты зашатался?
Стой прямо! Стой же!... Разъ, два... три!

Гардовскій палъ. Въ одно мгновенье
По немъ прошелъ могильный хладъ;
Оцѣпенѣлъ потусклый взглядъ...
Страшна минута разрушенья
Жильца преступнаго земли!
Съ какою силой потекли
По немъ мученья! Посинѣли
Уста; раздулися глаза;
Отъ корчей кости заскрыпѣли.
Онъ застоналъ: » Убей Ксенза!...
Къ чему онъ здѣсь?... Какіе гости,
Свирѣпые, идутъ за нимъ?...
Какой имъ пиръ! что надо имъ?...
Смотри, хохочутъ все отъ злости...
Что вамъ смѣшно? ужасный видъ!
Зачѣмъ шипятъ такъ ваши змѣи?
Ксензъ злобный, прочь свои затѣи! —
Меня твой гнусный видъ мертвитъ...
Прочь... прочь... Пустите, дѣти ада!..
Помедли, тягостная ночь!...
Твои неистовыя чада

Подходятъ, Ксензъ, гони жъ ихъ прочь!...
Они велятъ просить прощенья...
Аркадій!... Боже, гаснетъ свѣтъ...
Аркадій! — руку замиренья!...
Скорѣй!... Приблизились мученья...
Грозятъ и требуютъ... Дай...

Аркадій.

Нѣтъ!

Пусть разорвутъ тебя на части!
Тебя ли, извергъ не карать?
Въ подлунной нѣтъ достойной власти
Твои злодѣйства наказать.
Самъ тартаръ огненное знамя
Тебѣ на встрѣчу разорвьетъ
И въ даръ тебѣ смолу и пламя,
Оскаля зубы, поднесетъ!...
Прощай, Теара! На прощанье,
Дозволь холодное лобзанье...

(*Цѣлуетъ ее.*)

Теара, (*очнувшись*).

Аркадій... ты?... Иль это сонъ?

Нѣтъ, сердце мнѣ сказало: онъ,
Онъ, радость жизни скоротечной!
Пришелъ ты видѣть мой конецъ?
Смотри: въ груди моей свинецъ —
Онъ сталъ дорогой къ жизни вѣчной...
Мученья ранъ моихъ равны
Мученьямъ страсти безнадежной...
Мы покориться всѣ должны
Судьбѣ жестокой, неизбѣжной...
А рано ль, поздно ль — все равно!...
И такъ сверши мое желанье,
Ужасно тягостно оно...
Но любишь ты меня давно!
Ты, изъ любви — прерви страданье....
Одинъ, всего одинъ ударъ —
И буду я на вѣкъ спокойна!...
Мольба тебя, мой другъ, достойна....
Цѣлуй — и дай безцѣнный даръ!«
Аркадій понялъ гласъ страданій.
Онъ блѣдный ликъ поцѣловалъ....
Вскричалъ.... И въ судорожной длани

Блеснулъ убійственный кинжалъ.
Твары нѣтъ.

Аркадій.

Владѣю мертвой . . . .
Ужели слабый смертный могъ
Ее почтить подобной жертвой?
Смирись, несправедливый рокъ!
Не трепещу твоей я власти
И злобы немощной твоей,
Ты не сильнѣй меня, злодѣй!
Ты всѣ возможныя напасти
И цѣлый тартаръ ополчилъ;
Но тщетно: — я ее убилъ! . . .
Гардовскій . . . . Вздоръ, не съединишся
Съ чистѣйшей кровью! . . . нѣтъ, тому
Не быть, клянусь, — не веселиться
И въ жизни будущей ему! . . . .«
Онъ страшный трупъ толкнулъ ногою.,
Рванулся вонъ . . . . Захохоталъ . . . .
И въ лѣсъ, заглохшею тропою,
Какъ сумасшедшій побѣжалъ.

Эпилогъ.

Осень.

Возставъ отъ вѣковѣчныхъ льдовъ,
Идетъ рушительница міра!
Ея вѣнецъ изъ облаковъ;
Сѣдая мгла ея порфира;
Ея глаголы — бури вой;
Ея дыханье — воздухъ тлѣнья
И за широкою пятой
Вездѣ дорога разрушенья!
Убранства лѣта до конца
Она сожгла, ярясь отъ гнѣва.
Грустна природа безъ вѣнца
Какъ обезславленная дѣва!
Покрыто небо сѣрой мглой;
Потоки хлещутся волнами;
Въ эѳирѣ холодъ гробовой.
Какъ трупы съ голыми костями,
Дерева долину сторожатъ;
По рощамъ коршуны кричатъ

И завываетъ вѣтръ унылый,
Какъ бы страдалецъ надъ могилой.
Промокла грудь нагихъ полей;
Восходитъ утро безъ денницы;
Отъ бурныхъ вѣтровъ, отъ дождей,
Отъ мрачной совѣсти своей,
Вельможи прячутся въ столицы —
И залита ковшемъ вина
Души безплодной глубина!

Туманы льются надъ Варшавой
И вдоль обрушенныхъ валовъ,
Гдѣ новой и блестящей славой
Господь вѣнчалъ своихъ сыновъ,
Сыновъ Россіи православной,
Преступникъ клятвы гдѣ блѣднѣлъ,
Гдѣ нашъ послѣдній громъ взгремѣлъ
И успокоилъ духъ Державный.
Въ дали бѣлѣетъ Надаржинъ,
Зерно великихъ вспоминаній:
Любимецъ Марса, славы сынъ,

Смиритель гордой Эривани,
Обременя осадой умъ,
Явившей Русскихъ передъ свѣтомъ,
Тамъ звалъ безтрепетныхъ на штурмъ—
И кличъ всеобщій — былъ отвѣтомъ!
А вотъ разстрѣлянный костёлъ,
Вокругъ него валы тройные.
Сюда полуночный Орелъ
Придвинулъ тучи громовыя;
Здѣсь почва кровью напилась
И потряслась враждой упорной,
Здѣсь Воля крѣпкая сдалась,
Ограда жизни своевольной.
Уже замолкнулъ бранный громъ!
Одни слѣды замѣтны боя:
Вблизи могильный видѣнъ холмъ;
И крестъ, послѣдній даръ героя,
Поставленъ дружбою на немъ.
Пылающій святымъ огнемъ,
Поэтъ идетъ къ остаткамъ бреннымъ.
Собратъ товарищей былыхъ

Своимъ мечемъ окровавленнымъ
Чертитъ, въ слезахъ, надгробный стихъ:

Эпитафія.

Враговъ безсчетные удары
Ему во гробъ отверзли дверь —
И онъ блаженствуетъ теперь
Въ объятьяхъ пламенной Теары.

Поэтъ.

Прощай, товарищъ! Спи спокойно,
Земля вездѣ для всѣхъ равна.
На родинѣ твоей достойной
Могила также холодна!
Въ день судный мзду возмешь за раны,
Пресвѣтлый Ангелъ ихъ сочтетъ.
Прощай, товарищъ! Барабаны
Зовутъ на родину въ походъ.

Конецъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

стр.	строк.	напечатано:	читай:
XII	4	суетной	суетной,
26	17	друглавый	двуглавый
33	9	или дѣвъ,	иль дѣвъ,
—	—	дюжыхъ,	дюжихъ,
49	6	мечтамъ,	мечтамъ
58	11	Ускусно	Искусно
61	12	въ дѣянньи	въ дѣяньи
66	20	мимолѣтныхъ	мимолетныхъ
73	16	обвѣтованный.	обѣтованный.
75	19	я боленъ	я болѣнъ
82	14	знать	гнать

